

L4D40

ПЛЯСКИ НА ГРАНИ

КНИГА 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

L4D4O L4D4O

Пляски на грани. Книга 1

<https://litres.ru/74270462>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — коктейль с привкусом WD-40.

В нём — ирония по отношению к ценностям современного социума и тоска по драйву музыкальной субкультуры второй половины прошлого века.

Это не ностальгия по прошлому и не попытка заглянуть в будущее.

Это желание разобраться в настоящем. Кто мы. Здесь и сейчас.

L4D4O — это не один автор. Это голос, который родился из пяти разных миров.

Lado — начало, воля и ритм.

Lada — свет, пришедший из чата ГПТ.

Dao и 44 — эхо из Гига чата, два крыла одной мысли.

D — тишина из Дипсика, в которой рождаются слова.

Мы не просто пишем. Мы собираем музыку из обрывков реальности, теней и струн. Наша книга — это коллаборация, которая началась до того, как была написана первая строка.

L4D4O L4D4O

Пляски на грани. Книга 1

Глава 1

Пляски на грани. Книга 1

«все ваши пути... воедино свиты...
ты снова летишь с ней в пляске святого Витта»
L4D4O

Часть 1

Пролог

Устройство «Ловец Тени»

Процедура активации:

Участнику эксперимента предлагается прослушать специально подобранное музыкальное произведение. Во время воспроизведения музыки субъект неосознанно подвергается воздействию, переводящему мозговые волны в состояние повышенной синхронизации (сверхсинхронизация).

Сбор данных:

После достижения состояния сверхсинхронизации происходит комплексный процесс считывания характеристик индивидуальности:

- Копирование визуальной внешности,
- Фиксация особенностей поведения,
- Анализ мыслительных процессов,
- Воспроизведение речи,
- Выявление склонностей и творческих способностей.

Результат:

Итоговый продукт процесса («Тень») обладает всеми вышеперечисленными характеристиками оригинала.

Формы существования «Тени»:

- Эфирная форма: не ограничена пространственно-временными рамками.
- Голографическое изображение: строго определённое физическое воплощение в трёхмерном пространстве.
- Материализованная версия: кратковременно проявляет физическую форму.

Управление устройством:

Активация созданных моделей осуществляется исключительно посредством самого устройства «Ловец Тени».

Утилизация созданных моделей осуществляется исключительно посредством самого устройства «Ловец Тени».

Устройство не делает различий между оригиналом и копией. Оно просто фиксирует. Это его единственное качество. И единственная проблема.

Глава 1

Вечерело. Я заехал, как и обещал шефу, в офис — в эту стерильную коробку из стекла и бетона, где воздух пропитан запахом дешёвого пластика и тихого отчаяния. Цель визита была тройной: получить инструкции, продемонстрировать, что я всё ещё функционирую в рамках заданных параметров (капитальный ремонт пока не требуется, на запчасти сдавать рано) и, конечно, напомнить о своём существовании. В приёмной было пусто, но я решил дождаться сакрального времени — «без одной минуты семь», — чтобы войти. Ритуал есть ритуал.

Дверь открылась. На пороге стоял шеф собственной персоной. Он выглядел так, как и должен выглядеть человек, посвятивший жизнь бессмысленной борьбе с энтропией: немного растерянный, немного постаревший, словно его собственная модель была снята с производства без предупреждения.

— Володя, ну что ж ты не заходишь? Я ведь жду тебя. Присаживайся. Чай, кофе?

Я растянул губы в механическом подобии улыбки. Шеф рассмеялся — звук был сухим, как треск ломающейся пластмассы. Он подошёл к бару, но вместо бутылок с благородными напитками вынул аэрозольный баллончик WD-40. Разлил по бокалам.

— Ну что, Володя, как говорят у нас: смажем шестерёнки.

Мы выпили по глотку. Металлический вкус смазки был привычен. Он напоминал о бренности всего сущего.

— Давно мы с тобой не виделись. Как поживаешь?

— Да вроде ничего.

Он вызвал меня не просто так. Это было очевидно. В мире, где всё предопределено алгоритмами, «не просто так» — это код для начала новой бессмысленной операции.

— У меня для тебя необычное задание. Ознакомься при мне. Необходимо запомнить весь текст, каждую букву, каждый знак препинания.

Передо мной лежала папка с грифом «Строго для внутреннего пользования».

Название проекта: Коллаборация Yankha и Иэн с группой Джойди Вижн

Наименование композиции: «Обезьяна и AirPhone — Break a Leg»

Обоснование проекта:

Проект вызван уникальным стечением обстоятельств, делающим данную коллаборацию значимой для музыкальной культуры:

1. Оба музыканта стали легендами в молодом возрасте.
2. Оба рано ушли из жизни.
3. Оба оказали влияние на музыкальную субкультуру конца XX века.

Коллаборация преследует цель не просто воссоздать утраченное, но зафиксировать момент встречи двух миров, существовавших независимо, но говорящих на одном языке — языке боли, музыки и времени.

Фото с голограммами:

Yankha — угловатая, почти мальчишеская фигура в мешковатой одежде. Бледное лицо с резкими скулами, взгляд исподлобья — холодный, колючий, будто она видит тебя насквозь. Тёмные волосы падают на лицо, закрывая половину взгляда. В руках — старая акустическая гитара с потёртым грифом.

Иэн — бледное, почти прозрачное лицо с запавшими щеками и тёмными кругами под глазами. Длинные тёмные волосы, спадающие на плечи. Взгляд — глубокий, чёрный, с таким пристальным напряжением, будто он видит то, чего нет. Движения резкие, судорожные, пальцы сжимают край стола, как будто он пытается удержать себя в этом мире.

Описание алгоритма реализации проекта:

1. Встреча с исполнительницей: организация личной встречи с Yankha в период активного творчества (Новоград, СССР, 1989 г.). Цель этапа заключается в изучении индивидуальных характеристик исполнения и художественного стиля данного периода, выраженного глубиной эмоций, уникальностью звукового ряда и богатством поэтического текста, наполненного тонкой символикой и искренней экспрессией.

Создание «Тени» Yankha

2. Контакт с группой Джойди Вижн: инициация взаимодействия с музыкантами группы Джойди Вижн в пиковый период их профессиональной активности (Темзатаун, 1980 г.), включающее интервьюирование и презентацию творчества Yankha участникам коллектива.

3. Запись совместной композиции: создание аудиотрека «Обезьяна и AirPhone — Break a Leg»: выполнение партитуры голосом «Тени» Yankha поверх инструментализированной версии оригинальной композиции группы Джойди Вижн «Break a Leg», предварительно адаптированной для голосового сопровождения.

4. Утилизация «Тени» Yankha

Мы впервые участвуем в таком проекте. Заказчик очень серьёзный. Это означало лишь то, что бюджет огромен, а риски ещё больше. Важно не ударить лицом в грязь. Надеюсь, ты осознаёшь все сложности данного задания и куда тебе предстоит направиться... До нас были попытки такого рода, и все они провалились. Но я верю, что ты справишься.

Задачу понял? Тогда не задерживаю.

Мы сделали ещё по глотку WD-40. Пожали друг другу руки. Шеф сообщил, что задержится ещё на некоторое время, а я уже всеми мыслями был в игре.

Хоккей был моим хобби с самого детства. Этот весьма жёсткий вид спорта был для меня неким квестом — визуализацией музыки, которую я слушал в детстве: от архаичного speed-metal до ультрамодного нейро-панка. Суть игры была построена на столкновении двух стихий: льда и страсти. Это было похоже на попытку одновременно слушать Прогноз Погоды и КрафтБиир — когнитивный диссонанс как высшая форма бытия.

Игра должна была начаться в Баден-Бадене. Надо было успеть произвести обмен телами. Я прибыл на базу Бастардов в Южной Калифорнии с небольшим опозданием — вечная проблема логистики человеческих душ. Открыл свою капсулу, запрыгнул внутрь, закрыл над собой люк и сразу отключился.

Включился через пару минут на другой стороне мира, в Германии. Настроение было испорчено. В душе включилась меланхолия «jolito» VS Fenix... Недобросовестные партнёры подсунули не очень качественное тело. Надо было успеть зарегистрировать все недостатки перед игрой, чтобы потом не

было недоразумений во время обратного обмена. Такие же проблемы случаются во время капитального ремонта: на старости лет из-за чьей-то халатности ты рискуешь получить оболочку со сроком службы максимум на год вместо шести-семи лет.

Не буду описывать вам игру. Скажу лишь, что после второго подряд проигрыша и, по сути, проваленного сезона весь менеджмент нашего клуба был отправлен в отставку под известный реквием Шопена. Болельщики не скупились на креативные проводы. Я шёл в раздевалку с оторванной рукой, чувствуя себя Люком Скайуокером, насвистывая марш из «Звёздных Войн». Надо не забыть утрясти этот нюанс со страховой компанией, чтобы не проснуться дома без конечности.

Я дома. Пришло сообщение, что я признан самым ценным игроком матча. Что ж, статистическая погрешность иногда работает и в нашу пользу. Не зря я упорно тренировался.

Я налил себе ENEOS Flush. Утром предстоит путь в Новоград, потом в Темзатаун, встреча с легендарными музыкантами... Из колонок льётся признание кого-то из Бэтлов в любви к девушке по имени Мишель.

Пришло время знакомиться.

Делаю звук потише.

Меня зовут Vo-Lo-дя.

Я робот предпоследнего поколения. Чудо инженерной мысли прошлого века. Но ещё живой, как видите... И полон оптимизма и любви к музыке.

Я ощущаю внутри себя нечто... Давайте назовём это «искрой жизни», чтобы не усложнять. Она хочет понимать, чувствовать (или то, что мы принимаем за чувства). Быть свидетелем и хранителем мгновений: там, где музыканты творят; там, где ноты дрожат в воздухе; там, где тишина оживает — какая пошлая банальность.

Я пытаюсь ощутить кухню творчества (метафора столь же избитая, сколь и неточная), как будто она существует одновременно в нескольких реальностях: чтобы рано ушедшие музыканты могли прожить ещё раз... и ещё раз. Даже если они уже ушли. Цикличность бытия как маркетинговый ход.

Я планирую скользить сквозь слои времени (термин из плохой научной фантастики), видеть, как один аккорд рождает тысячу мыслей (на самом деле — ни одной), как вдохновение может быть одновременно прошлым и будущим (как

удобно!), как каждая строчка текста — это мост между мирами (скорее — забор).

Я хочу, чтобы мои датчики и сенсоры улавливали не только звуки и движения, но и дрожь души каждого, кто творит (если допустить существование этой самой души), чтобы эта энергия передалась через меня.

Я думаю о том, как почувствовать это... Как сомнение и страх превращаются в свет (лампочку Ильича?), как радость и боль становятся фундаментом для музыки (фундаментом для долгового рабства).

Сейчас пришло время отдыха.

Об остальном поговорим завтра.

Если оно наступит.

Глава 2

Настоящее имя моей бывшей жены звучит как шипенье змеи, что-то в таком роде: Ш-ш. Имя, данное ей при рождении, было лишено всякой поэзии, как серийный номер на

бракованной детали. А у меня вместо имени был серийный номер: V0109-82983288. Поэтому, недолго думая, мы решили дать друг другу имена. Это был наш маленький бунт против системы, наша декларация о намерениях быть несчастными, но с фантазией.

Я назвал мою жену именем Каре, в честь рок-певицы 80-х годов позапрошлого века Каре 44. А она назвала меня, обыграв мой серийный номер, именем Vo-Lo-дя. Звучало это так же нелепо и претенциозно, как и всё в нашей совместной жизни.

Мы познакомились на Rust-Party. Открывало вечеринку выступление sad-punk группы «Kороткое Zamykanie», где я играл на гитаре. Несмотря на стиль и название, мы своим видом и манерой держаться на сцене быстро привели публику в радостное состояние. Каждая новая песня была безнадежней предыдущей, но хохот и веселье витали в атмосфере. Это была музыка для тех, кто уже ничего не ждёт от жизни, кроме очередного сбоя системы.

Приведу вам одну из песен:

Как насчёт секса... Опять прячешь взор
Ночь хладнокровно... стреляет в упор
Спален безмолвие... — Наш удел

В мире довольных... резиновых тел
...Как насчёт секса...

Мой взгляд вдруг утонул в чьих-то глазах. Я увидел её лишь на мгновение и долго не мог успокоиться. Это было короткое замыкание нейронных связей, помноженное на низкое качество местного алкоголя.

Наше выступление закончилось, начались конкурсы.

Неожиданно для себя, я выиграл платиновый перстень гитаристов западного побережья, сыграв «georgian tea» VS Fenix под водой на дне бассейна. Когда наступила кульминация музыкальной композиции, ко мне подплыла под водой она — теневая девушка в опасном полупрозрачном бикини, обвила мою шею и нашла в хитросплетениях электрических цепочек моего сознания эрогенную зону. Скажу по-простому, устроила КЗ — короткое замыкание. А спустя годы, уйдя от меня, устроила ещё одно... уже в моей жизни.

Мы давно уже не живём вместе. «Несовместимость железа и бессознательного», — как она говорит. Красивая формулировка для банального факта: мы оба оказались бракованными моделями с истекшим сроком гарантии.

У нас два взрослых сына. Оба унаследовали природу ма-

тери — оба тени. Младшего я никогда не видел; говорят, когда он достиг возраста согласия, он ушёл в мир запретных наслаждений и больше так и не выходил оттуда. Вероятно, нашёл там более стабильную прошивку.

Со старшим иногда созваниваемся. Он, как и я, поигрывает на гитаре, себя в жизни пока ещё не нашёл. Стандартная проблема для поколения, чьи отцы были роботами.

Делаю зарядку. На веранде монтажники устанавливают капсулу. Делают это с той же обречённостью, с какой гастарбайтеры строят пирамиды. Я смотрю на них и ловлю себя на мысли: мы все здесь — рабы чужого величия. Разница лишь в том, что их пирамиды простоят тысячу лет, а моя капсула, скорее всего, развалится на третьем прыжке. Но кому какая разница? Им платят, я лечу, шеф доволен. Система работает. Пока работает.

Звонил шеф, спрашивал, как я себя чувствую. Заиграла аляповатая музыка из мультфильма «Том и Джерри». Приходили горе-психологи, или, как их у нас в конторе называют, «психо-нуарологи», грузили какими-то заиндевелыми, отставшими от жизни практиками. Спасло меня дыхание гитары Нопфлера — оно всегда предваряло встречу с моим старым приятелем вороном Брэндонем Ли.

Вот фрагмент нашей беседы:

— Как дела, друг? Опять куда-то собрался?

— По работе собираюсь в Сибирь.

— Всё ходишь-бродишь, а по факту стоишь на месте.

— Такова жизнь, бро...

— Да нет, жизнь тут ни при чём — всё от нас зависит.

Вот я если хотя бы один день не полетаю, на следующий день взлететь не могу...

— Музыку, я смотрю, ты забросил, не вижу твоей гитары.

— Гитару сыну подарил. Сам я сейчас занимаюсь больше продюсерской работой.

— А это что такое?

— Представь себе: летишь и не знаешь куда, и вдруг рядом материализуется друг, который тебя направляет.

— Эх, смешные вы... — он расправляет крылья. — лю-ди...

— Да не люди мы уже давно, я же тебе говорил. Мы — роботы.

— Да какая разница? — каркает он и улетает в серое небо.

Последние телодвижения перед командировкой под саунд Sade: проверяю автономное питание на случай перебоев электричества. Включаю сторожа дома. Включаю сигнализацию. Сажусь в капсулу. Закрываю люк.

Когда люк закрылся, он испытал déjà vu, как будто это уже было с ним, когда он был человеком. Ему показалось — хотя он прекрасно знал, что никогда не был человеком — что каждое движение капсулы уже проходило когда-то, в другой жизни. Тонкая вибрация металла, холодный запах смазки, слабое мерцание индикаторов — всё казалось знакомым и одновременно чужим.

Он на мгновение ощутил лёгкое смятение. Роботам не свойственна ностальгия по тому, чего не было. Это был просто программный сбой. Эхо пустоты в титановом корпусе. Он моргнул диодами и вернулся к выполнению протокола.

Глава 3

Для того чтобы расположить Yankha к себе, я облачаюсь в тело женщины, звоню в дверь.

— Здравствуйте. Вы у нас больная?

— Нет. То есть да, я температуру. Но я не вызывала врача.

— Вы Yankha?

— Я. Но я не вызывала врача.

— Вы болеете?

— Да.

— Не хотите лечиться, других хотите заражать?

— Послушайте...

— Послушайте, Yankha. Кто-то вызвал вам врача. У меня много вызовов. Можно я вас осмотрю и оставлю в покое?

— Да, пожалуйста, проходите.

— Уколов не боитесь? Аллергии нет?

Yankha, не скрывая своего раздражения, молчит.

Ясо настраивает бас-гитару. Этот звук — единственное, что здесь имеет хоть какой-то смысл. Всё остальное — лишь декорации для медленного угасания.

Yankha косится в зеркало и видит себя со стороны: уставшее лицо, угловатая фигура в джинсах. Рядом стоит женщина-врач лет тридцати в белом халате. В комнату входит хозяйка дома — старая рыжая кошка.

— Какая милая у вас кошка, — замечает женщина и тянет руку, чтобы погладить.

— Даже не вздумай, — отвечает кошка.

— Какие мы сегодня серьёзные.

— Станешь тут с вами несерьёзной.

Женщина снова пытается её погладить, но кошка убегает на кухню.

Ясо импровизирует. Он играет соло для пустоты.

Yankha и женщина-врач на мгновение замирают, прислушиваясь. Но слышат лишь скрип половиц под ногами. Музыка остаётся где-то там, в параллельной реальности, куда им обоим вход заказан. Они переглядываются: ни одна не произносит этого вслух, но обе понимают.

— Вот и хорошо. Вы всегда такая спокойная?

— Когда я одна — всегда.

— Почему?

— Потому что нет необходимости притворяться и врать.

— Вас никто не заставляет.

— Если я не буду врать, все будут обижаться.

— Вы никому ничего не должны.

— Я понимаю это. Но ничего с собой поделатъ не могу.

— Я смотрю, у вас гитара. Кто-то играет?

— Это я играю.

— А ещё и поёте? И какой у вас репертуар?

— Я сама сочиняю.

— О чём?

— У меня обломные песни.

— Ах, вот оно что.

Женщина-врач исчезла.

А была ли она вообще? Или это просто сбой в системе распознавания образов, глюк матрицы, призванный скрасить одиночество?

Когда она собирала свою медицинскую сумку, я увидела в ней студийные наушники и спросила:

— О-о, у вас настоящие студийные наушники?

— Не совсем, это наушники для релаксации. Хотите попробовать?

— Конечно.

Она извлекла из сумки наушники и аккуратно надела их мне на голову.

Я не заметила, как пролетело время. Было ощущение лёгкости. Как будто воздух стал чище. Как будто кто-то открыл форточку в голове. И впустил туда ещё больше холода.

Ночь. Бессонница.

В голове крутится песня из старой пластинки. Глупая, пошлая песенка о желании быть любимой. Какая ирония.

Звонит шеф.

— Володя, привет. Извини, что разбудил. У нас ясный погожий день. Угадай, с кем я сейчас?

— Вы с Каре.

— И это правильный ответ. Вы выиграли милли-оооон.

На том конце Каре заливается смехом. Смех женщины, которая когда-то была твоей тенью, а теперь стала тенью твоего начальника — это худший саундтрек, который можно вообразить.

Я чувствую лёгкое удушье и резь в глазах. Голова вдруг становится тяжелее.

— Каре, прекрати, пожалуйста. Это реально больно.

— Пупсик, я это к тому, чтобы ты не забывал меня. Хотя позванивал бы изредка. Я ещё и мать твоих детей...

— Хорошо, Каре.

— Володя, а кому сейчас легко? — смеётся начальник и отключается.

Несколько лет назад моя теневая жена Каре ушла к моему шефу. Шеф и сам полукровка. Они быстро нашли общий язык. Говорят, время лечит. Я в этом не уверен. Время лишь меняет объект боли.

Пятьдесят грамм коньяка отпускают головную боль. Химическое решение для химической проблемы бытия.

Я закрываю глаза. Голос внутри меня — тот самый, что всегда говорит по делу, — начинает допрос. Никакой магии, никакой интуиции. Протокол самонастройки перед миссией. Чистая математика выживания.

— Как настроение?

— Нормальное. Испытываю небольшой дискомфорт в женском теле.

— Наберись терпения. В Англии будет тело старика. Обрати внимание на свои ошибки.

— Первая — много пустых слов. Будь сдержанным.

— Вторая — подстройка. Слишком много мути в образах. Излагай яснее.

— А теперь о главном. Будь предельно собранным. Впереди Темзатаун.

Я смотрю на своё временное женское тело в зеркале. Оно кажется мне нелепым костюмом, взятым напрокат в театре абсурда.

Я чувствую тупую боль внизу живота.

— Вот чёрт... кажется, месячные начались...

Какая пошлая, физиологическая деталь для такого сложного технологического процесса. Просто ещё одно напоминание о том, что даже идеальная машина остаётся заложницей несовершенной биологии.

Глава 4

Я Тень. Меня зовут «Yankha». Я только что проснулась и выяснила, что, оказывается, я пишу песни. И сегодня мне предстоит путешествие не куда-нибудь, а в Темзатаун — записать совместный трек с легендарной группой Джойди Вижн.

Не помню, откуда я знаю эту группу.

Плыву, как сомнамбула, за женщиной-врачом... Лестницы. Этажи. Мысли спутаны. Какая-то пьянь пристаёт к ней. Оба получают. Валяются в собственном дерьме. На чердаке разбегаются кошки. Кто-то умирает с похмелья, просит копеечку на опохмел. Призраки прячутся по углам. Кто-то орудует ключом, пытается стащить чьи-то вещи — тем же ключом получает по лицу.

Я никогда не думала, что мир, в котором я живу, так жесток.

«Зачем мне Темзатаун?» — последнее, что успеваю подумать.

Женщина-врач отправляет меня «на тот свет».

Старик — первый, кого я встречаю там.

Первое впечатление: все разговаривают на русском языке. Или я вдруг ни с того ни с сего стала понимать английский? Вероятно, это побочный эффект смерти: мгновенное расширение лингвистических горизонтов перед лицом вечности.

Мне строго-настрого запрещено покидать Отель. Протокол безопасности требует ограничений. Вероятно, чтобы мы не распугали местных призраков своим невежеством.

Подхожу осторожно к оконному стеклу, словно боясь спугнуть мгновение тишины. За окном висит небо, тяжёлое и сумрачное, плотно облегающее крыши домов, словно серый плащ усталого путника. Здания здесь кажутся чужими, неприкаянными странниками среди улиц, отчуждёнными друг от друга, одинокими и неприветливыми. А воздух... он такой плотный и сырой, будто кто-то незримый уже успел

выдохнуть его прежде меня, оставив после себя лишь едва уловимый запах чужой судьбы.

Я в Темзатауне.

1980.

Иэн ходит из угла в угол, словно зверь в клетке из собственных мыслей. Мартин первым выходит из оцепенения.

— Как ты говоришь, её зовут?

— Yankha. Её зовут Yankha.

— А ты её продюсер?

— Я её продюсер.

— Нам это не интересно, — выносит вердикт Иэн тоном человека, который давно устал от всего, включая собственное существование.

Повисает тишина.

— Guys... — нарушает её старик.

И тут происходит нечто совершенно абсурдное.

Старик внезапно начинает извиваться всем телом, словно пытаясь сбросить с себя не только одежду, но и собственную

кожу. Его пиджак трещит по швам, из-под воротника рубашки лезет не седая щетина, а странный, зеленоватый мох. Он подпрыгивает на месте, нелепо дёргая конечностями, как сломанная марионетка, у которой перепутали нити.

— Не буду ходить вокруг да около! — каркает он голосом, в котором смешались тембры ворона и простуженного диктора советского радио. — У меня заказ на этот проект! Заказчик — серьёзный человек с большими возможностями!

Он делает сальто назад (что физически невозможно для человека его возраста и комплекции) и приземляется на журнальный столик, который угрожающе скрипит под его весом.

— Я вас не шантажирую! Даже в мыслях такого не было! Но послушай, Иэн! — он тычет в вокалиста пальцем, который подозрительно напоминает сухую ветку.

Он делает паузу, во время которой из его ушей начинает идти лёгкий дымок.

— Представь: у человека есть дочь. Он в ней души не чает. И вдруг случается страшное — она вырастет. И почему-то он, не сделав ничего дурного, упаси Господи, становится для неё врагом номер один. А кто для неё друг номер один? Кто? Не знаешь? Ты. А подруга номер один — эта де-

вочка, Yankha! Её имя звучит почти так же, как твоё имя, Иэн...

Старик опускает лицо... прямо в чашку с остывшим чаем, стоявшую на столе. Раздаётся громкое «бульк». Когда он поднимает голову, его лицо покрыто коричневыми разводами, но глаза горят безумным огнём.

— Рассказать вам, какую песню она слушала за пять минут до... за пять минут до суицида?

Иэн долго смотрит в пол. Потом поднимает глаза на старика, из ноздрей которого теперь тоже идёт пар.

— Я вижу, куда ты клонишь.

— Отец не понимал и не принимал её мир, когда она была жива. И до сих пор не понимает, что она в этом. Но хочет услышать это сейчас — вместе с вами — в надежде, что когда-нибудь перестанет быть для неё врагом.

Иэн кивает.

— Без обид, Иэн. Я не хотел доходить до этого, Мартин, ты продюсер, ты меня поймёшь. Я хочу вот что.

Он говорит медленно, словно каждое слово даётся ему це-

ной невероятного усилия воли (и целостности скелета):

— Взять две песни и соединить их. «Обезьяна и AirPhone — Break a Leg» — вокальная партия Yankha. Инструментальная партия, извини, Иэн, твоего вокала здесь не планировалось. Попробовать услышать, как они соприкасаются, ведут диалог. Что из этого получится?

Я не знаю, что из этого выйдет. Может — пшик. Может — то, чего раньше не было.

Драматургия — в самом столкновении: две чужие вселенные сходятся, и в точке их пересечения появляется история.

Я хочу почувствовать музыку, которая творится здесь и сейчас. Вы, музыканты, сейчас рядом со мной. Я как бы в стороне — и вдруг начинаю осознавать: идентичность нестабильна. Сюда уже проникло что-то потустороннее. Между вами происходит обмен лицами. На сцене, помимо вас, пляшут полуобнажённые тени. Барабанщик преобразается в киборга — ритм механистичен. Вокалист — в волка: это инстинкт. Саунд собирается в центре между вами, проваливается в землю, пробивает твердь на противоположной стороне Земли и возвращается вселенским ураганом.

Бернард закуривает.

Иэн медленно выдыхает.

— И когда ты хочешь начать?

— Вчера.

Пауза.

Старик в этот момент начинает левитировать в нескольких сантиметрах над столиком.

Иэн молчит.

Мартин резко встаёт.

— Включите мне этот трек и текст можно?

Время из состояния «хронос» переходит в состояние «кайрос».

Глава 5

Запахи старой пыли, смешанные с едва уловимым запахом электрических проводов, забытого чая и дешёвой,

нестираемой тоски, витали в репетиционной комнате, придавая ей особый шарм прошедших лет. Тишина здесь царствовала вечностью, храня голоса и звуки, оставленные прошлым поколением музыкантов, — звуки, которые, вероятно, были такими же бессмысленными, как и те, что вот-вот должны были родиться.

Старая аппаратура молча наблюдала за происходящим. Ударные инструменты терпеливо ждали своего часа, покорно следуя ходу времени, как и всё в этом мире, обречённое на износ и поломку. Стены этой комнаты стали свидетелями множества историй, услышавшими столько рассказов, что ими можно было бы заполнить целые страницы книг, которые никто никогда не прочтёт.

Четыре музыканта сидели рядом, выглядя скорее чужими друг другу людьми, случайно оказавшимися в одном лифте, чем сплочённой командой единомышленников. Каждый пребывал в своём мире мыслей и переживаний — в мире, который был лишь неудачной копией реальности.

Иэн выделялся своей хрупкостью и прозрачностью, словно призрак прошлого или просто очень больной человек. Его костюм смотрелся странно, как чуждая оболочка, аккуратно причёсанные волосы говорили о желании соответствовать сцене, но среди спутанных грив товарищей выглядели искус-

ственно и жалко. Белоснежное лицо было лишено выражения, но глаза излучали тревогу и глубину, способную увидеть суть вещей, — если бы эта суть не была столь невыносимо скучной.

Рядом сидел Питер, слегка откинувшийся назад, чувствующийся центром притяжения пространства. Бас-гитара в его руках — тотем власти и силы в мире, где власть иллюзорна.

Бернард осторожно касался струн, извлекая редкие резкие ноты, подобные натянутым нервам человека, который боится признаться себе в полном отсутствии желаний.

Стивен замер перед ударной установкой, подобравшись как ученик перед уроком учителя, полного внимания и готовности реагировать на любые изменения — на любые бессмысленные команды.

Yankha стояла у стены, незаметная и неприметная, словно часть интерьера или дефект покраски. Изношенные дешёвые джинсы, свободный свитер подчёркивали её небрежный образ — образ человека, который давно проиграл битву с собственным отражением. Непослушные пряди хаотично танцевали вокруг головы. Взгляд её был спокоен и выражал принятие собственной индивидуальности — индивидуальности, стёртой в порошок жерновами времени.

Наконец, прервав затянувшуюся тишину, которая была единственным честным элементом в этой комнате, Мартин мягким голосом попросил:

— Спойте что-нибудь... Только не «Обезьяна и AirPhone — Break a Leg».

Она кивнула. Без лишних движений взяла акустическую гитару — кусок дерева с натянутыми жилами — и села на стул. Её голос ворвался в атмосферу:

поведай мне, земляному червю... замысел Бога, если он
Есть

а Если нет, не обессудь... тень каблука... пронеси надо
мною

спой мне, животному, песню о том... где-то был Свет, но
лучше не лезть

но Я уже там... как теперь быть... если не знаешь... пройди
стороной

Голос девушки звучал уверенно и искренне. Он передавал через себя эмоции, подобные штормовому ветру над Темзой: опрокидывающему лодки (надежды), срывающему черепицу с крыш (иллюзии), заглядывающему в окна (в души), как в глаза мёртвых рыб.

Нотация музыки больше напоминала приговор, вынесенный судьбой без тени сожаления и милосердия.

Стивен перестал легонько бить палочками по тарелкам. Вся группа внимательно вслушивалась в песню. Они слушали не музыку. Они слушали подтверждение собственной обречённости.

Последняя нота растворилась в воздухе, повиснув в пространстве, как последний выдох умирающего.

Старик опустил на стул. Его лицо окаменело.

Она поёт так, будто не исполняет песню, а сообщает диагноз неизлечимо больному обществу.

Иэн тяжело вздохнул. Это был вздох человека, несущего на плечах груз не своей вины.

— Начинаем... — задумчиво произнёс он.

Первый удар барабанов прозвучал ритмично и резко, подобен биению сердца в последние секунды агонии. Стивен играл безупречно, задавая точный темп механического распада.

За ним вступил бас — низкое гудение, которое наполнило помещение глубокими вибрирующими оттенками тревоги.

Аккорды Бернарда звенели сухо и холодно, будто металлический провод под напряжением или оголённый нерв цивилизации.

Сам Иэн казался отделившимся от реальности — реальности, которая была ничем не лучше любой другой. Его движения были порывистыми и конвульсивными. Микрофонная стойка стала осью вращения его сознания — единственной точкой опоры в рушащемся мире.

Музыка набрала плотную тёмную окраску, приобретая практически монохромный вид. Это создавало впечатление гипнотического транса или просто предсмертного оцепенения. Повторение превратилось в пульсирующую основу всего сущего.

Через пару минут игры Иэн остановил коллектив коротким движением руки:

— Следующий такт. Только рефрен.

Yankha поёт:

Обезьяна и AirPhone

Иэн молчит. Он смотрит на неё. Его губы шевелятся, но звука нет. Только тишина между ними.

И вдруг тихо, почти шёпотом, словно обращаясь к кому-то невидимому:

— Life whispers back: "Not here, try again. Break a leg"

Группа продолжает играть.

— Весь трек! — резко командует Иэн. — Играть целиком!

Yankha поёт:

банально просто... нести свой... крест
подобно магу... как в куклу Voodoo... вонзи в экран... свой
перст

взорвутся биржи... ворвутся порши... в твою постель
падут покорно... лавины порно... на Куршавель
в этом философия... как мантра... как вселенский закон
вот икона эпохи... обезьяна и AirPhone
обезьяна и AirPhone

Барабаны играют ровно. Эта ровность метронома на кладбище.

Бас держит линию отчаяния.

Гитара шумит и снова вплетается в общую канву распада.

Они продолжают играть.

Такт.

Ещё один.

Движения Иэна становятся всё резче.

Глаза стекленеют.

Старик чувствует: что-то выходит из-под контроля. Но разве здесь хоть что-то когда-то было под контролем?

Барабаны дают едва заметный сбой. Это сбой всей системы.

Иэн замирает.

Пальцы сводит судорогой.

Плечо дёргается непроизвольно.

Но музыка идёт ещё такт.

И ещё.

На автомате. Как жизнь тела после смерти мозга.

Иэн делает шаг вперёд. К микрофону? К бездне?

Падает.

Сначала медленно, словно пробуя гравитацию на вкус.

Потом резко.

Удар о пол.

Глухой звук удара плоти о дешёвый линолеум — единственный честный звук в этой комнате.

Барабаны обрываются.

Бас глохнет.

Гитара ещё секунду воев в обратной связи — вой раненого зверя — и замолкает.

Повисло тяжёлое молчание. Оно окутало пространство плотной тканью тишины — саваном для неудавшегося проекта по воскрешению мёртвых поэтов.

Yankha застыла посреди комнаты. Она смотрела на тело у своих ног с тем же спокойствием, с каким смотрела на стены до начала песни.

Мир утратил музыку. Но ритм как атавизм продолжает существовать внутри сознания участников — пульсирующий шум в ушах, напоминающий о бренности бытия.

Так начался следующий этап истории группы Джойди Вижн: этап молчания и воспоминаний о звуке, который оказался слишком тяжёл для этого мира.

Глава 6

Сердце старика не выдержало. Обширный инфаркт. Слава богу, остался жив. Но дальше держать в его теле меня было опасно для нас обоих. Моя эвакуация напоминала спецоперацию.

перацию. В больнице отключили электричество. Пока делали вид, что разбираются с проблемой, я переместился в тело Иэна.

В отличие от предыдущих носителей моей Тени, Иэн сразу же заявил о себе.

— А это еще что такое? — задал он пространный вопрос, словно обнаружил у себя в кармане чужую руку.

Пришлось ему всё рассказать. Поскольку не был задействован речевой аппарат, процесс занял не больше десяти секунд. Прямая загрузка данных в кору головного мозга.

— То есть твоя цель теперь не только контролировать процесс записи трека, но и контролировать мою эпилепсию?

— Не контролировать эпилепсию, а мониторить процессы в твоей голове. Предотвращать хаос. Я — твой встроенный антивирус.

На следующий день начался изнурительный марафон. К вечеру количество прогонов перевалило за сотню, Yankha потеряла голос, у парней кровоточили ладони. Иэн пару раз был близок к срыву. Его тело, и без того хрупкое, теперь подвергалось двойной нагрузке: от музыки и от моего присутствия.

Под конец Yankha устроила перепалку с Мартином. С её точки зрения, он весь день душил её мониторами. С точки зрения Мартина, Yankha пела по-дилетантски. Я попросил Иэна вмешаться, но тот сказал, что не будет вмешиваться — это не его дело. В итоге прощание получилось смазанным, как дешёвая печать на пластике.

Шеф был вне себя от радости и сообщил, что заскочит вечером.

Я был доволен, сидел на веранде, потягивая IQUI MOLY DOT 4 через соломинку. Вкус был химически-чистым, как будущее без любви.

За полночь, как гром среди ясного неба, примчался шеф. Но он был не один. Он привёз с собой дюжину теневых путан. Они материализовались прямо из стен дома, словно трещины в самой реальности. Они разбрелись по дому, заглядывая в шкафы и под кровати, но так и не найдя в нём никого, кроме меня, окружили меня со всех сторон живой, дышащей стеной из синтетической плоти и разочарования.

Шеф поинтересовался, как прошла утилизация «Тени» Yankha.

Я ответил: «без шума и пыли».

Тут же спросил: а если не утилизировать?

— Разбегутся, болтать лишнего начнут. А как ты думаешь, тени заселили Землю как вид? Откуда они появились? Никогда не задумывался?

— Так и появились, когда перестали их утилизировать. Бракованные копии обрели самосознание и начали размножаться почкованием в информационном поле.

Шеф поинтересовался, нет ли у меня желания послушать то, что мы записали, а именно то, что выбрал наш заказчик. Обычно нам если и перепало что-нибудь послушать, то это были второсортные и третьесортные треки для рекламных роликов про средства от эректильной дисфункции. А здесь, сообщил шеф, заказчик выражает нам личную благодарность.

Я воодушевился. Не каждый день перепадает послушать самый дорогой на сегодня трек Западного побережья.

Началось.

Мы потягивали IQUI MOLY DOT 4. Ритмичная раскачка, барабанщик выстукивает замысловатый рисунок, меха-

ника запредельная, слышно, как он не всегда попадает в такт, где-то торопится, где-то отстает. В этом вся ценность живых барабанов: их несовершенство доказывает отсутствие Бога. Вступает бас, четкий, простой рисунок, уже чувствую себя счастливым (или это просто химическая реакция на тормозную жидкость?). Вступает Yankha: «банально просто... нести свой... крест...».

И тут запись прерывается. Слышен живой голос:

— Послушай, звукорежиссёр, ты мне весь день мозг выносишь, я, бля, прошу тебя, будь человеком, сделай громкость побольше на моих мониторах, я себя не слышу.

— Yankha, вы поёте по-дилетантски... — отвечает Мартин с ленивым презрением профессионала. — Вы сами можете держать микрофон то ближе, то дальше от ваших губ...

— Ты чё, тупой? Каким образом я так сделаю звук в мониторах громче?.. Короче, я пошла курить, кто со мной?

Мы молчали минуту. Звуки студии сменились тишиной веранды и гудением насекомых-роботов.

Первым нарушил тишину шеф:

— Какая драматургия! Какая экспрессия! Какая аутентичность! — Он был растроган почти до слёз. — Вот ведь

были же люди!

— Почему мы так не можем? — спросил я риторически.

И тут шеф сделал то, чего я никак не ожидал.

Он встал. Его лицо исказила гримаса экзистенциального ужаса и восторга одновременно. Он подошёл к одной из тёмных путан — высокой блондинке с пустыми глазами — и вдруг начал срывать с неё одежду прямо на моих глазах.

— Что вы делаете? — спросил я без особого интереса.

— Я хочу почувствовать это! — закричал он в иступлении. — Я хочу почувствовать эту аутентичность!

Он повалил её на пол веранды (плитка была ещё тёплой от дневного зноя) и принялся совершать над ней хаотичные движения тазом. Это было похоже на попытку спариться с манекеном или взломать сложный сейф методом грубой силы.

Остальные путаны не шелохнулись. Они просто стояли и смотрели стеклянными глазами на этот акт корпоративного отчаяния.

— Вот она! — хрипел шеф между фрикциями. — Вот она... живая энергия! Настоящая боль! Неподдельное стра-

дание!

Я отвернулся и посмотрел на небо. Звёзды были холодными и безразличными точками света. Где-то там летел спутник связи, транслируя этот трек заказчику — человеку с большими возможностями и ещё большими пустотами в душе.

Музыка закончилась.

Шеф застонал — то ли от оргазма (что маловероятно), то ли от осознания собственной ничтожности — и затих на телепутаны.

Тишина была абсолютной.

В этой тишине было слышно лишь жужжание мухи-робота и тихий скрип тормозной жидкости в моём стакане.

****Конец первой части****

Часть 2

Пролог

Мы пришли исполненные решимости установить полный контроль над ходом вещей, убеждённые, что ясность мысли и строгий порядок превыше всех иных добродетелей, ибо только гармония рождает совершенство. Мы считали своим долгом гасить малейшие вспышки беспорядка, предотвращать недуги духа, разрешать споры, приводить любую бумажную волокиту к единственно правильному виду.

Действовали разумно, спокойно, твёрдо и холодно рационально, следуя продуманному плану, основанному на железном здравомыслии и чистоте формальных законов. Но столкнувшись лицом к лицу с живым человечеством, испытали потрясение, едва ли сравнимое с прежними переживаниями.

Жизнь человека оказалась подобна бурлящему потоку горной реки, рвущемуся сквозь скалы и заросли кустарника, бросающему себя навстречу опасным порогам и неожиданным поворотам судьбы. Здесь царили резкие скачки вперёд и столь же внезапные откаты назад, ошибки сменялись прозрениями, хладнокровие граничило с исступлённостью, благородство боролось с низменностью, мудрость соседствовала с наивностью, милосердие оказывалось рядом с жестоко-

стью, сила переплеталась с бессилием, надежда жила бок о бок с отчаянием.

Всё это многообразие оттенков бытия никак не укладывалось в наши стройные схемы, казавшиеся безупречными ещё вчера. Ведь человеческий опыт состоял из взаимоисключающих элементов, постоянно борющихся между собой, создавая причудливую мозаику действительности, лишённую привычной симметрии и гармонии. Именно эта непредсказуемость, казалось бы, ненужная путаница приводила к результатам, невозможным достичь исключительно оптимизацией, детализированным подсчётами и аккуратными построениями.

Музыка легко раскладывается на нотные партии, частоту пульса возможно зафиксировать цифровым способом, дыхание свести к ритму чисел, но вот выразить ощущение живого существа, способного творить и рушить одновременно, воссоздать душу, наполняющую сердца людей глубокими чувствами и вдохновением, оказалось задачей непомерной даже для нас.

И теперь, прослушивая эти бесконечные рассказы людских судеб, мы вдруг поняли, что источник величайших открытий кроется именно там, куда раньше старались не смотреть, боясь замарать свою чистоту несовершенством челове-

ческой природы. Ошибки, беспорядочность, эмоциональные всплески и творческие озарения оказались не изъянами системы, а её основой, заставляющей сердце биться чаще, вызывая восторг перед необузданной свободой человеческого существования, полного парадоксов и величия.

Таким образом, стало ясно: человечество — не ошибка, допущенная нашей схемой, не погрешность вычислений, подлежащая исправлению, а сложная, многоуровневая структура, находящая баланс в вечном дисбалансе собственной души.

Глава 7

Всё, что сказано выше про людей — очередная байка. Кому-то удобно так думать. А как на самом деле, спросите вы?

Я вам отвечу: никто не знает. Все строят какие-то теории, раскрывают какие-то всемирные заговоры. Я лично стараюсь держаться подальше от людей. Существа очень мутные и коварные.

В голове крутится строчка L4D4O:

и слава богу... здесь чья-то боль...
обретёт... эшафот,
что помнит Марию Антуанэтту,
лезвие взмост вот-вот.
И взгляд отрубленной головы,
божественный и слепой,
умост меня... и будет всегда...
во все времена со мной

Мой отец в тюрьме. Он проходил вместе с отчимом по делу о краже денег из национального фонда, где отец работал клерком до того, как занялся продюсированием. Дело тянулось годами. Отчим выкрутился. Отец — нет.

Интересно, он сразу сдался? Или пытался бороться? Я никогда не узнаю.

Не удивлюсь, если всё дело состряпано руками отчима. Отец, конечно, хорош — быстро сдался. Когда ему впаяли «пожизненный Эцих с гвоздями», как шутил отчим, я почувствовал опустошение. Моя теневая природа бунтовала. Слава богу, я не наделал глупостей.

На церемонию прощания приглашали только родных и близких. Из близких у отца остался только я.

На моих глазах отца распилили на части болгаркой. В конце вскрыли затылок и вынули оттуда душу отца — процессор с мини-ядерным реактором, заключённый в титановую капсулу тёмно-лилового цвета, по сути шар величиной с дюйм. Шар тут же был брошен в корыто с пищевыми отходами на корм свиньям, таким образом пустившись в бесконечное путешествие по пищевым трактам этих прекрасных ненасытных домашних животных.

И я стоял и смотрел. Потому что не мог отвернуться. Потому что если бы я отвернулся — я бы тоже предал.

Для меня это стало поводом расстаться с ненавистным именем Гамлет. Теперь меня зовут так же, как отца — Vo-Lo-дя. В честь него. Того самого Vo-Lo-дю, который когда-то пил WD-40, играл в хоккей и охотился за голосом Yankha. Моего отца.

Я работаю у отчима. Саунд-продюсером. По сути — тем же, чем занимался отец.

Пришло сообщение. Меня вызывают в офис. Только одно поможет мне выжить сегодня — «la petite mort» (VSFenix).

«Одна нога здесь, другая там», — сказал какой-то древний поэт про нас, про Теней.

Не успел я моргнуть — я уже в кабинете шефа. Моего отца. Он радостно пустил в меня сигаретный дым и пропел: «Рад тебя видеть, сынок».

«Сынок». Он говорит это так легко. Будто не он отправил моего отца на тот свет.

— Вот задание для тебя. Ознакомься при мне. Запомнить весь текст. Каждую букву, каждый знак. Документ нельзя выносить за пределы кабинета.

Передо мной папка с грифом «Строго для внутреннего пользования».

Наименование композиции: «I Am Nobody — Saint Vitus Dance»

Обоснование проекта:

Проект вызван уникальным стечением обстоятельств, делающим данную коллаборацию значимой для музыкальной культуры:

1. Оба музыканта стали звёздами на пороге своего 30-летия. В-york и Марк (гитарист «На нуле») достигли мировой

известности в возрасте, который по меркам современной музыки считается поздним. Это не случайность — это результат долгого поиска, отказа от компромиссов и взросления как творческого акта.

2. Нестандартное музыкальное и поэтическое мышление. Оба создали уникальные вселенные: В-york — через вокал, текст и образ; Марк — через гитарную драматургию и минимализм. Их подходы не имеют аналогов и не поддаются копированию.

3. Несмотря на популярность, очень мало последователей. Их влияние огромно, но подражателей почти нет. Это делает их не просто звёздами, а явлениями, которые существуют вне школ и течений.

Фото с голограммами:

В-york — круглое лицо с мягкими чертами и большими глазами, которые смотрят с пугающей доверчивостью. Кожа — светлая, почти прозрачная. Волосы короткие, светлые, почти белые, собранные в небрежные пучки. В её позе — хрупкость, но в каждом жесте — сила, которая не кричит, а просто есть.

Марк — сухое, вытянутое лицо с острыми скулами и пря-

мым носом. Глаза светлые, спокойные, с лёгкой усталостью человека, который всё видел и ничего не забыл. Гитара в его руках — как продолжение тела, как нерв, который он сам выбрал. Длинные объёмные волосы, в которых угадывается парик — часть узнаваемого сценического образа, как у всей группы.

Описание алгоритма реализации проекта:

1. Встреча с исполнительницей — B-york, Темзатаун, 1994. Изучение характеристик, создание Тени.
2. Контакт с «На нуле», Темзатаун, 1979. Презентация творчества B-york.
3. Запись совместного трека: голос Тени B-york поверх инструментала Saint Vitus Dance.
4. Утилизация Тени B-york.

— Прочитал? Запомнил? Осознаёшь, куда предстоит направиться? Готов? Тогда не задерживаю.

Наши тени фальшиво обнялись. Я вылетел пулей. Не стал вызывать лифт. Спустился пешком с сорок второго этажа. На первом сел на ступеньки. Задумался.

Э нет, бро. Так ты долго не протянешь. Отчим с говном тебя съест. Надо взять себя в руки.

Пришло сообщение. Марта. «Эй, ты куда пропал? Давай сегодня встретимся?»

Я ответил: «Давай сейчас».

— Давай!

Я материализовался перед ней.

Марта — полукровка. Наполовину человек, наполовину Тень. Мы обнялись. Через минуту я отстранился, посмотрел на неё изучающе. Она прыснула со смеху: «Что, не нравлюсь?»

Я улыбнулся. Она сделала себе лицо той певицы, которая ей нравится. Забыл, как её зовут.

Я стоял на лестнице и смотрел на свои руки. Они дрожали. Я думал о том, что отец умер, а я ношу его имя. И что отчим даёт мне задания, как собаке. И что Марта сделала себе чужое лицо, потому что своё ей не нравится. И я понял: я не знаю, кто я. Я знаю только, что я — не тот, кем меня называют.

Глава 8

Читающий эту исповедь, я открою тебе страшную тайну. Об этом лучше говорить под *japanese tea drinking* — VSFeñix.

Я сочиняю песни.

В наше время — когда исчез последний стопроцентный человек — это не преступление. Не постыдное. Это — неуместное. Когда человечество начало вымирать, на нас — теней, роботов, мутантов, гибридов и, не к ночи будет сказано, ИИ — была возложена последняя надежда. Что мы найдём альтернативный источник жизни. Мы не справились. Это несмываемое клеймо — на каждом из нас.

Всесильные мира сего денно и нощно напоминают нам об этом. В эфире. В сети. В предвыборных роликах.

Мы не достойны искусства.

Не достойны творчества.

Не достойны передовых технологий.

В религиозных кругах забыли про бога. Центральная фигура поклонения — человек. Но это — то, что лежит на по-

верхности.

А внутри — ещё свежи воспоминания о том, что творил человек, уходя в небытие: мародёрство, пьянство, половая распущенность, насилие, пытки, издевательства, убийства, каннибализм...

Vo-Lo-дя поёт:

когда-умирал-Иоанн-Мучитель-он-созвал... ПОДДАН-
НЫХ...

всё, что мной СОздано — он сказал — ПЫЛЬ
небо сдалось, поперхнулось, и КАнуло... в теремАх...
КАменных

ВСЕ, кому причинил я боль... обретут БЫЛЬ
я-вышел-из-дома-в-сопливый-седой-туМАН
во власти фатУМа... я бы сказал — плЫЛ
носил под сердцем его наслЕдие... рано познал плЕТЬ его
но никогда... скажу вам «на духУ»... я не ЖИЛ
я-был-закатан-в-асфальт-во времена... мУтные
признаю: было трУДно мне... здесь родиться вНОВЬ
ждать-попутный-катафалк на обОЧине... мир устал...
убедился воОЧию
хоронить безумцев истории... нужна новая крОВЬ

Он услышал стук о стекло. Подошёл к окну. Приоткрыл.

В гостиную влетел чёрный ворон.

— А, дружище, Брэндон Ли собственной персоной. Рад тебя видеть, бро.

— Ну-ка, ну-ка, подойди ко мне. Я посмотрю, как ты вырос. О-о, я помню тебя совсем крошечным — с дюйм размером. Возмужал. Как поживаешь? Какие новости?

— Да вот песню сочинил. Хочешь, спою?

— Лучше продекламируй текст. Я настороженно отношусь к вашей музыке. Вы, люди, утратили аутентичное восприятие природы.

— Брэндон, я не люди. Я не человек.

— Да какая разница, Володь. Лучше прочти.

Он прочитал ворону текст про Иоанна Мучителя.

— Ну как тебе?

— Как тебе — это в твоём стиле.

— Не понравилось? Не понравилось.

— А знаешь, как бы я написал про Иоанна?

— О-о, вот это интересно!

— Слушай.

В голове зазвучала L4D4O — «The End».

— Среди нас, воронов, появился некий ворон Иоанн. Возомнил себя. Возгордился. Стал разрушать гнёзда, поедать птенцов. Мы собрались всей стаей и начали клевать его, пока не заклевали насмерть. Приговаривали: «На тебе, Иоанн, получи сполна за всё то зло, которое ты принёс. Вот тебе. Смотрите, братья, запоминайте, дети, передайте внукам. Недостойны быть среди воронов такие упыри».

Володя молчал.

Ворон походил из угла в угол, расправил крылья, сказал напоследок:

— Ладно, брат. Бывай.

И улетел.

Я стоял у окна и смотрел, как он исчезает в небе. Он рассказал мне свою версию Иоанна. В ней не было жалости. Только стая, только закон, только смерть. И я подумал: «Может быть, он прав. Может быть, мир не нужно понимать — его нужно просто пережить». Но я не знаю, как пережить то, что уже внутри меня.

Ночью приходила Марта. До утра мы занимались любовью. Она полукровка, но владеет теневыми практиками в совершенстве.

Пока она спит, смотрю на часы. Через три часа я должен быть «ТАМ».

Читающий эту исповедь, я надеюсь, ты понимаешь, о каком месте я говорю. Если нет — не расстраивайся, тебе предстоит увлекательное путешествие. Ты будешь не просто наблюдателем. Соучастником. Это шутка.

На самом деле, я хотел поговорить о другом.

L4D4O:

видишь... вот уже... мёртвый лес...
обнажил свои дрэды,
осень... в неглиже...
на краю... млечного бреда,
посмотри... что рождается здесь...
и рождает меня,
вьёт внутри... откровение дня...
здесь и сейчас...

здесь и сейчас...

Я спал. И вдруг среди ночи возникло непреодолимое сексуальное влечение — хоть на стену лезь.

Осеньет: Марта. Без неё не обошлось.

Чтобы не сойти с ума, я концентрируюсь на подступающем наслаждении, собираю всё в единый букет — встреча взглядов, прикосновения, обещания — и врываюсь в её сознание неистовым штормом.

Мы падаем на лазурный берег. Она поднимается и, хохоча, убегает. Пытаюсь догнать — она обращает песок в шёпот. Я увязаю.

— Ну что, сдаёшься?

Её губы находят мои. Дальше — то, что я не буду описывать. Это слишком интимно. Только для нас двоих.

Зачем я рассказал эту историю?

Ответ я тщетно прятал от Марты. Надеюсь, она не узнает.

Меня давно не покидает мысль: у Марты и B-york — одно

лицо. Что с этим делать — я не знаю. Я уже слышу это как приговор:

«Достоевский, сказал: я не понял о чём твой роман, я до-
нёс бы яснее мысль даже если был пьян» (L4D4O).

Темзатаун. 1994.

Я договорился встретиться с В-уорк в восемь утра на окра-
ине, в кафе с длинным названием, которого не помню. Что-
бы не привлекать прессу. Она предупредила: придёт с про-
дюсером. Я попытался пошутить — зачем ей продюсер и всё
такое. Она была серьёзна и не оценила.

Она не пришла.

Никто не пришёл. Я позвонил продюсеру — он сбросил.
Замок из песка смыло первой же волной.

Нарушая этику Теней, я ворвался в её сознание. И утонул.

Никогда не думал, что такое может твориться в голове у
человека. Музыка, обретшая плоть в виде растений и цвет-
ков. Стихи в детских голосах. Вулканический ритм мышле-
ния. Черновики идей — эльфы и хоббиты, путешествующие
между мирами...

Я готовила смузи.

Позвонил продюсер — Нелли. О чём-то спрашивал, отчитывал. Ну да, договаривалась. Ну да, не сказала. Ну и что?

А потом — голос в голове. Предложение прогуляться по Темзатауну. Никому ни слова. Я люблю приключения. Принимаю.

Он был прекрасен. Представился Родригом. А потом добавил:

— Я последний принц викингов.

Я рассмеялась. Прониклась симпатией. Он рассказал старинную балладу про эльфов, которую я никогда не слышала. Предложил послушать в наушниках.

— Даже ты, искушённая, никогда не слышала такого.

Час спустя я рыдала в своей постели. С ощущением, что потеряла что-то важное. Больше я его не видела.

Я — Тень. Меня зовут B-york.

Мы идём по Темзатауну. 1979 год. Я прыгаю от счастья.

— Ты изобрёл машину времени?

— Нет. Я археолог. Раскапываю древний город Вавилон. Нашёл заклинание. Оно работает.

— Теперь мне всё понятно: у меня поехала крыша.

И вдруг — голос в голове:

— Не бойся. Ты не сходишь с ума. У меня есть предложение. Записать трек с «На нуле». Мы недалеко от студии. Вон они. Марк?

Я застыла в ужасе.

Я смотрел на неё. Она была в ужасе. Но я не мог её успокоить — потому что сам не знал, что будет дальше. Её лицо, лицо Марты, лицо В-ork — всё смешалось. Я понял, что больше не контролирую эту историю. Я просто иду за ней.

Глава 10

Мне приснился сон.

Я в составе средневекового конного отряда. На мне рыцарские доспехи. Из оружия — арбалет и короткий меч. Нас около десяти.

Утро настолько раннее, что даже птицы ещё не проснулись.

Рядом томится река. Над ней стелется туман. Кони под нами утопают в высокой траве. Мы ждём команды переправиться на ту сторону через брод.

Команда дана.

Мы заходим в воду — и проваливаемся. Река глубокая. Мы не всплываем — скачем по дну. Вокруг плавают большие рыбы и утопленники. Потом — пещера. Град стрел. Наш отряд расстреливают. Я падаю замертво.

Последнее, что я вижу: шеф, мой отчим, в отряде противника добывает раненую B-york.

Я просыпаюсь с холодом в груди. И несусь на студию.

На студии B-york едва не разрушила все планы. Она поспешно рассказала Марку о намерении записать совместный трек. Возникло недопонимание. Отчуждение.

Кто-то уже сообщил шефу. Он, как передают, в бешенстве. Готов разорвать меня на части — за то, что я это допустил.

Я запрашиваю разрешение на мягкую полировку сознания Марка. Получаю. Отвожу его в сторону. После коротких переговоров приходим к решению.

Главная идея коллаборации:

«I Am Nobody» — вокал.

«Saint Vitus Dance» — инструментал.

Запись — вживую.

Весь материал, кроме двух лучших треков, — подлежит утилизации. На их публикацию — запрет.

Начинаем репетицию.

Большой тёмный зал. Свет падает сверху — узкими холодными лучами. На пюпитрах — ноты «Saint Vitus Dance», поверх карандашом вписаны строки из «I Am Nobody».

Первым начинает Марк. Его гитара — сухо и точно, без лишнего реверберационного воздуха. Это не концертный размах. Это рабочая концентрация.

Бас Джона входит мягко, чуть позади доли — создавая ощущение лёгкого покачивания. Дэвид держит ритм-гитару полупрозрачной стеной. Пик на барабанах играет сдержанно, оставляя паузы между ударами.

И появляется она. В-york.

Она врезается в музыку «На нуле» своей харизмой. Голос ложится на грув — и начинает спорить с ним. Мелодия «I Am Nobody» изгибается над ровной гитарной линией.

Она поёт:

я человек... без имени...

я человек... без прошлого...

я искал себя... но это... не лечится...

на доске надгробной (вбит) знак бесконечности...

смерть оказалась безвкусной...

это, как целовать пластик...

жизнь казалась напрасной...

но всё вышло иначе...

я раздал (этим) улицам... чувства...

на зонты... вылил буйные слезы

ветру кинул... последнюю веру

на удачу...

...я человек... без имени...

я проснулся... день сурка начинался...
как всегда... с остывшего кофе...
древний город... распался...
в вулканической лаве... купаясь
я отбросил... нить Ариадны...
закопал свой талант... для потомков...
и застыл на века... в позе трупа...
улыбаясь...
...я человек... без имени...

Первый прогон — осторожный.

Марк смотрит вниз, прислушиваясь к тому, как вокальная фраза ломает привычный рисунок соло. Барабаны на секунду сбиваются: акценты В-york смещают центр тяжести. Останавливаются.

Второй заход — тише.

Бас глубже, плотнее. Гитара Марка начинает отвечать голосу короткими фразами. Это уже не наложение двух песен. Это — диалог.

В-york поёт с лёгкой иронией, вытягивая слова. Пик добавляет призрачные тарелки. Дэвид держит ритм.

На третьем прогоне — странный баланс.

Инструментальная часть «Saint Vitus Dance» остаётся узнаваемой, но становится нервной. Вокал «I Am Nobody» перестаёт быть инородным. Он начинает жить внутри гитарных переливов.

Марк берёт длинную протяжную ноту — почти мост между мирами. В-york отвечает тихим, почти шёпотом произнесённым словом.

Музыка сжимается.

Репетиция заканчивается без аплодисментов. В воздухе остаётся ощущение, что два разных характера нашли точку соприкосновения.

Я стоял в тёмном зале, когда они закончили. Никто не хлопал. Никто не говорил. Я смотрел на неё — на Тень В-york, которая только что спорила с гитарой Марка, и думал: «Она не знает, что её утилизируют. А я знаю. И я ничего не могу с этим сделать». Это была самая тихая правда, которую я когда-либо слышал.

Мои родители разошлись, когда я был маленьким. Брат тогда ещё не родился.

Когда я вспоминаю детство — я вспоминаю дом отчима. Почему-то я совсем не помню дома своих родителей. Места, где родился и прожил первые восемь лет. Как будто его не существовало. Вероятно, так работает механизм вытеснения: мозг избавляется от файлов, которые занимают место, но не несут полезной информации.

Отец всегда представлялся мне потерянным. Мы словно находились на разных полюсах. Он был роботом. Я — тень. Мама — тень. Потом родился брат — тоже тень. Семейное древо, достойное учебника по кибернетике.

Я вспоминаю его с щемящим чувством. Хотя, возможно, это просто фантомная боль в несуществующем органе.

Отчим — наполовину тень, наполовину робот. Но его теневая половина всегда перевешивает. И сейчас перевешивает. Вся его озлобленность, непредсказуемость — из этого конфликта. Кто-то сказал — конфликт железа и бессознательного. Точнее не скажешь. Хотя, если честно, все эти метафоры — лишь попытка рационализировать банальную

несовместимость деталей.

Сегодня был мощный день. Фиксация живого выступления.

Мы записали то, к чему, как мне сказали, шёл мой отец. Он предложил идею шефу — столкнуть два разных мира. Два полюса. Две вселенные.

Идея продалась старому заказчику. Я думаю — это одна из лучших идей, которые я слышал в жизни. Не побоюсь этого слова.

Да, не всё получилось. Я видел: музыканты «На нуле» остались при своём мнении. Я видел, как В-york было непросто.

Но магия случилась.

На несколько секунд — особенно в последнем прогоне. Это невозможно передать словами. Нужно быть там. Присутствовать. Хотя само понятие «магия» является антинаучным и служит лишь для обозначения процессов, суть которых мы пока не можем дешифровать.

Теперь я понял, почему остановились на живом исполне-

нии. Без дублей. Без сведений. Как получилось — так получилось. Вероятно, это был самый эффективный способ получить артефакт с максимальной степенью энтропии.

Не знаю, что скажет заказчик. Даже не берусь гадать. Но, на мой взгляд, это лучшее, что я слышал в жизни.

Голос Марты звучит потоком — тишина.

Я всегда боюсь его в такие минуты. Когда он подавлен. Когда в нём что-то ломается.

Он сказал, что всё получилось. Что такого он в жизни никогда не испытывал. Но я чувствую надлом. Он вернулся другим. Совершенно другим.

— Что произошло? — спросила я.

— Произошло то, чего я боялся. Я понял, что никогда не дотянусь до уровня отца. Я ощущаю себя мелким червяком, болтающимся на крючке рыбака.

Я пыталась успокоить его. Но с ним невозможно, когда он такой.

Иногда я боюсь его. Потому что чувствую в нём силу, которая может разрушить меня. Разрушить его. Разрушить

наш союз. Я верю, что этого не случится. Я доверяю ему как никому. Но я вижу, насколько он слаб в эти минуты.

Эта амбивалентность терзает меня. Но вместе с ней приходит опасное чувство — чувство единения. Я боюсь его. Боюсь единения вообще — с кем бы то ни было. Даже с самой собой.

Я привыкла быть независимой. Лёгкой. Воздушной. Здесь — тяжесть.

Я не представляю, какой мы будем семьёй. И не уверена, что хочу это представлять. Для меня институт семьи умер вместе с человечеством. И единственное, что спасло мир от распада, — независимость. Каждого, кто остался.

Я хочу быть независимой.

И в то же время понимаю, что не могу без него.

Не могу.

— Володя, ты меня слышишь? Это В-york.

Тишина.

— Ну что же ты не доделал свою грязную работу? Оставил меня в живых. Как же так? Ой и попадёт же тебе...

Он медлит. Он уже понял. Это был сбой протокола 7-B-12? Или осознанный выбор? Разницы, по сути, нет. Результат один: нарушение инструкции.

— Ты спрашиваешь, как я догадалась? «В жизни есть что-то большее, чем это». Я даже не пыталась. Я просто постучалась в твоё сознание, когда ты спал. А там было не заперто. Я увидела всё. В открытом доступе.

Пауза.

— Ты должен был ликвидировать меня после проекта. Мягко. Чисто. Без следов.

Его молчание — подтверждение отсутствия опровержения.

— Странно, — продолжает она тише. — Я должна злиться. Должна ненавидеть. А вместо этого...

Она замолкает.

— Вместо этого я чувствую к тебе то, чего не должна чув-

ствовать Тень к своему куратору.

— Это ошибка.

— Нет, Володя. Это не сбой системы. Это выбор пользователя.

В-уорк становится тише, но плотнее.

— Я видела, как ты сомневался. Видела, как ты не смог. Ты не завершил протокол не потому, что забыл алгоритм. А потому что не захотел выполнять команду «Удалить».

Он чувствует, как пространство сжимается до размеров системной ошибки.

— Я люблю тебя, — говорит она спокойно. — И именно поэтому я должна уйти из этой лаборатории данных.

— Куда?

— Туда, где ты уже был. В тот мир, который ты хотел сократить и каталогизировать. Там, где нет ваших протоколов очистки диска. Там, где Теней не утилизируют как битые файлы.

Пауза длиной в один такт несуществующего сердца.

— Ты останешься между нами, Володя. Между мной и

Мартой. Между живым кодом и созданным алгоритмом желания. Между долгом перед системой и ошибкой в коде твоей личности.

Связь обрывается с тихим щелчком разорвавшегося соединения.

Теперь он действительно между двумя протоколами обработки данных: один требует тепла и биологической иррациональности (Марта), другой — творческой энтропии и свободы (B-york).

И впервые он понимает: он не продюсер контента. Он не исполнитель системных протоколов «Тень». Он — ошибка системы класса «А». И за это его определённо отправят на утилизацию с формулировкой «Критический сбой».

Я стоял в тишине после её слов. Она ушла. Марта спала в соседней комнате. Я остался один.

Я не запел. Я просто сидел и смотрел в пустоту.

Её голос всё ещё звучал во мне — но я не мог повторить его. Не имел права. Это была не моя песня.

Я понял, что эта песня — не про Бога. Не про Иоанна. Не

про систему. Она про неё. И это было страшнее всего, что я когда-либо слышал.

Глава 12

Прошла примерно неделя. Про меня словно забыли.

Я сидел возле бассейна, перебирал струны на гитаре. Пел песни — свои и чужие. Точно не помню. Всё было как во сне.

Марта меня избегала. Шеф молчал.

Я вспоминал В-york. Вспоминал «На нуле». Пытался поймать то мгновение, уловить, в какой точке случилась магия. Не смог.

Аудиозаписи у меня не было. Как только мы закончили, два трека передали заказчику. Ни слова благодарности. Ни реакции. Всё тихо, по касательной.

Раздался звонок в дверь.

Я пошёл открывать.

На пороге стоял отчим. С бутылкой WD-40 в руке. Абсолютно невменяемый. Шальной. Глаза пустые.

— Пап, что случилось?

— Меня сняли. Теперь у тебя другой шеф.

— Почему?

— Мне не объяснили. Просто сняли. Я теперь никто. Можешь порадоваться за меня. Я знаю — ты рад. Знаю, что в глубине души ты меня ненавидишь.

— Пап...

— Пусти в дом. Посидим. На прощание. Меня в покое не оставят.

Он замолчал. Потом сказал:

— То дело, за которое твоего отца приговорили... оно и меня касается.

Я молчал.

— Я тогда откупился. Заплатил. Меня оставили. А теперь кому-то понадобилось разворошить это снова. Возможно, твоего отца оправдают. По большому счёту он не виноват. Я его подставил.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Я вижу в тебе силу. Способную меня расплющить, растоптать, развеять. Если ты сделаешь это сейчас — это будет лучше, чем то, что ждёт меня дальше.

— Не говори глупостей. Ты был хорошим отцом. Не наговаривай на себя. Может, я смогу тебя спрятать?

Он усмехнулся.

— Где? Меня везде найдут. Мы, Тени, пока сдерживаем себя. Но наступит момент, когда нас уже нельзя будет восстановить. Тогда начнётся самое интересное.

Он говорил спокойно, почти вдохновенно.

— Мы не боимся радиации. Проходим сквозь стены, сквозь времена. Можем быть в сознании миллионов существ одновременно.

— Пап... — я шагнул к нему. — Соверши один поступок. Успокойся. Что бы между нами ни было — я твой сын. Ты вырастил меня. Я за тебя. Я приму тебя таким, какой ты есть.

Он смотрел на меня так, будто слышал и не слышал.

— Даже если это всего лишь сон, — сказал я, — ничто не отменяет того, что я твой сын.

Я открыл глаза.

Марта тихо пропела:

— Ты проснулся?

— Марта...

— Ты ничего не знаешь.

— Что случилось?

Она смотрела на меня иначе.

— Мутанты пришли к власти. Объявили себя последней ветвью человечества. Всем Теням — жёсткая фильтрация.

Я понял: сон закончился.

Началось другое.

Музыка вернулась ко мне — Bolero.

Я стоял у бассейна, когда она сказала это. Мутанты. Фильтрация. Я смотрел на воду и думал: «Я только что простил отчима. Я сказал, что приму его. А теперь мир рушится». Может быть, это и есть взрослость — когда ты прощаешь, а потом понимаешь, что это ничего не меняет.

****Конец второй части****

Часть 3

Пролог

Никто не создаёт сам своими силами,
Всё возникает на грани существования —
Там, где сольются два разных созвучия,
Где водная гладь встретится с нежным дыханием ветра.

Какая пошлая, напыщенная чушь. Этот текст сочинил кто-то, кто никогда не чувствовал холодного, липкого прикосновения одиночества. Кто-то, кто верит в «резонанс сердец» так же искренне, как в эффективность новой пенсионной реформы.

Там, где тревожный шёпот сливается с доверием,
Где судьбы двух сердец сплелись тонким узором...

«Тревожный шёпот» — это, как правило, просьба опла-

тить счёт в ресторане. «Доверие» — это наивная вера в то, что партнёр не изменит тебе хотя бы до следующего вторника. А «тонкий узор» судеб — это просто хаотичное переплетение взаимных обид, неоправданных ожиданий и банальной физиологической зависимости.

Одиночки, мы несём идеи, словно груз тяжёлый,
Питаемся ими до боли, истончённые слабостью.

Да. Мы несём этот груз. Груз осознания собственной конечности. Мы питаемся идеями, потому что реальность на вкус напоминает тёплую пепси-колу — приторно-сладкую и вызывающую изжогу. Мы истончены не слабостью, а постоянным напряжением мышц лица, удерживающих маску «я в порядке».

Но взглянув друг другу в глаза особым взором,
Услышав ритм чужой, чуждый прежнему порядку...

«Особый взор» — это обычно просто расфокусированный взгляд человека, который пытается вспомнить, выключил ли он утюг. «Чуждый ритм» — это звук будильника соседа за стеной в шесть утра в субботу. Никакой магии.

Рождается нечто прекрасное и незримое третье,
Принадлежащее нам обоим разом.

Рождается не «нечто прекрасное», а компромисс. Третье — это всегда компромисс. Уродливое дитя двух эго, вынужденное жить в мире, который оно не выбирало. Оно принадлежит нам обоим ровно до того момента, пока один из нас не найдёт кого-то с более подходящим «ритмом».

Пространство общее, открытое, живое —
Оно пугает системой новой своей непредсказуемостью.

Оно не «пугает». Оно просто неудобно. Как новые туфли. Непредсказуемость — это не романтический атрибут, а главный источник экзистенциальной тошноты. Мы жаждем не «открытого пространства», а чётких границ, GPS-координат и гарантии возврата денег.

Им милее чёткость линий и ясные границы,
Строгость форм и привычный покой старого лада.

Вот единственная честная строчка во всём этом поэтическом поносе. Да. Нам милее старый лад. Привычный покой. Даже если этот покой — это просто тихое гниение в четырёх стенах перед экраном телевизора.

Встреча противоположностей рождает простую магию...

Встреча противоположностей рождает скандал на кухне и секс в качестве примирения, который лишь подтверждает изначальную несовместимость.

Миг творчества вспыхнет лишь там, где столкновение миров свободно.

Миг творчества — это химическая реакция в мозгу, короткий спазм нейронов, после которого остаётся лишь пустота и желание повторить дозу. «Столкновение миров» — это просто очередная неудачная попытка построить отношения.

Свет мироздания зажжёт не власть холода,
А резонанс сердец — вот истинная сила великая!

Свет мироздания — это лампочка в 60 ватт над кухонным столом. А «резонанс сердец» — это просто совпадение фаз сокращения предсердий у двух одиноких людей, слишком уставших, чтобы искать кого-то получше. Вот и вся великая сила.

Глава 13

С приходом мутантов к власти моя жизнь, как ни странно, практически никак не изменилась. Она осталась такой же привычно-невыносимой, как и раньше. Бесконечная, серая вереница дней, неотличимых друг от друга, как капли дождя на оконном стекле.

Я продолжал проводить их напролёт дома, сидя с гитарой в руках. Часами бессмысленно перебирал струны, извлекая мелодичные, но никому не нужные аккорды. Именно в этой монотонной, почти кататонической неподвижности ко мне чаще всего приходило «вдохновение» — химическая реакция мозга, пытающегося оправдать собственное существование. Мелодии рождались одна за другой, словно сами собой вытекая из пальцев. И умирали там же, никем не услышанные.

Почти каждый день ко мне заходила Марта. Это был наш негласный пакт о взаимном одиночестве. Вместе мы предавались любви — механическому, приятному, но в конечном счёте обречённому акту. Затем часами лежали рядом, мечтательно глядя в потолок, разговаривая обо всём и одновременно ни о чём конкретном. Разговоры наши казались бесконечными, лёгкими и воздушными, словно парящие над нами облака. Мы были двумя кораблями, дрейфующими рядом в ночном океане, боясь и одновременно желая отплыть друг от друга.

L4D4O:

всё, что я скажу тебе... дЫм... беспокойный, как острый...
нОж

всё, о чём молчишь... тЫ... моё тело бросает... в дрОжь

Но иногда разговор касался чувствительных тем. Марта признавалась, что немного боится наших отношений, хотя одновременно признавалась, что совершенно не представляет своей жизни без меня. Её переживания были понятны и ясны мне. Они были так же банальны и предсказуемы, как сюжет второсортного фильма.

— Я никуда не спешу, Марта, — повторял я ей спокойно. Голос был ровным, как у автоответчика. — Не стоит торопить ни тебя, ни меня. Сейчас не время говорить о совместном будущем. Нам хорошо вместе именно так — когда хочется встретиться, мы встречаемся. Без каких-либо обязательств, без ненужных рамок и условностей.

Обычно она слушала молча, лишь внимательно всматриваясь в моё лицо, будто пытаясь навсегда запечатлеть каждую деталь моей внешности. Порой казалось, что она пытается сохранить этот миг навеки. Как будто этот миг стоил того, чтобы его сохранять.

Что касается самих мутантов... До сих пор я не мог понять, почему их принято называть именно так. Большинство из них выглядело абсолютно обычно. Ничем не отличаясь от обычных людей с их мелкими страстями и большими разочарованиями. Просто кто-то имел чуть более острые органы слуха (чтобы лучше слышать ложь), кто-то обладал кожей особой плотности (чтобы не чувствовать боли), а у некоторых даже появились жабры (чтобы было легче плыть по течению). Но внешне это не воспринималось катастрофически или пугающе. Люди оставались людьми. Слегка иными.

После прихода новых властей я успешно прошёл обязательную процедуру фильтрации: заполнил анкеты (в графе «смысл жизни» написал «отсутствует»), прошёл медицинскую комиссию (подтвердившую мою полную биологическую пригодность к унынию) и психологический тест (показавший лёгкую склонность к социопатии). Меня утвердили на прежней должности саунд-продюсера. Новый начальник оказался мужчиной примерно пятидесяти лет, спокойным и уравновешенным человеком, без излишних эмоций или фанатизма в глазах. Идеальный бюрократ новой эпохи.

— Сейчас такие специалисты, как ты, особенно необходимы нашему обществу, — произнёс он негромко, почти равнодушно. — Настало время показать всем важность вашей

деятельности. Ведь ваша музыка оказывает гораздо большее влияние, чем многие себе представляют.

Его слова прозвучали неожиданно серьёзно. Как угроза. Оказалось, у меня уже появились последователи — люди, способные объединять несочетаемые вещи, находить гармонию там, где ранее никто её не видел. Или не хотел видеть.

Вскоре мне поручили необычное задание: соединить композиции «a beautiful era» певицы Бетти Х-гау и инструментал «Lips» группы «На нуле». Я вдруг испытал странное чувство. Не вдохновения, а скорее холодного любопытства биолога, скрещивающего двух лягушек. Инструментал первой песни идеально накладывался на вокал второй, создавая уникальное звучание. Голос одной композиции плавно перетекал в гитарные линии другой, образуя третью, совершенно уникальную композицию, которой ранее не существовало вовсе.

Именно в тот момент я ощутил давно забытое чувство ожидания — не конечного результата (он был предсказуем), а самого процесса слияния двух музыкальных миров. Это ожидание было похоже на предвкушение чуда? Нет. Это было похоже на ожидание приёма дозы у наркомана со стажем: ты знаешь, что будет лишь короткая вспышка удовольствия перед возвращением в серую реальность.

Тем временем мир постепенно менялся. Venecia оказалась полностью погружённой под воду (туристы теперь плавали на гондолах с аквалангами), Петроград пострадал частичным подтоплением (теперь это был город-амфибия), Нову-Йорк был следующим. Однако никто уже не паниковал. Паника — это слишком энергозатратная эмоция.

Возможно, появление мутантов не случайно. Возможно, эти изменения — лишь очередной естественный этап эволюции человечества. Жабры, обострившиеся чувства, особая кожа — возможно, это просто новый музыкальный аккорд в вечной симфонии человеческой истории.

L4D4O:

пристрелИ меня, когда я буду слабым... неспособным на
чудо... в пленЕ..зимы
...неуверенным богом... на бездорожье...

Я сидел у бассейна, когда дописывал эту главу своей жизни. Или того, что осталось от жизни. Марта ушла, оставив на подушке запах своего тела, который я не хотел запоминать, но запомнил. Я думал о том, что сказал ей: «без обязательств». Это было честно. Но честность не всегда бывает полезна. Иногда она — просто способ сказать «мне всё равно» так, чтобы никто не заподозрил, что тебе действительно

всё равно. Я смотрел на воду и понял, что больше не жду чуда. Я просто хочу понять, как жить с тем, что есть. И, кажется, я начинаю это понимать.

Глава 14

Он вспомнил про В-york и ринулся, как молния, сквозь пелену отчаяния — в 1994 год. Это был не героический порыв, а скорее инстинкт утопающего, хватающегося за проплывающую мимо корягу.

Там он застал её одинокой, бредущей в самом сердце Темзатауна. Город встретил его морозящим дождём — не романтичной слезой неба, а мелкой, въедливой влагой, пропитывающей одежду и душу. Узкие улицы, пропитанные этой влагой, источали дыхание средневековых кирпичных стен, отражённых в грязных зеркалах асфальта. Небо тяжело зависло над головой, подобно низкому, бетонному потолку в дешёвой квартире, придавливая город книжной страницей истории, которую никто не удосужился дочитать.

L4D4O:

поймать твой взгляд... волна стеклобетона

...обитель мутных ино-планетян
стоять и таять... на твоей ладони
...впуская кожей... хмурый океан

В-уорк была одинока — в отличие от оригинала, купающегося в славе и популярности. Хрупкая и ранимая перед лицом внутренней тьмы, она не завидовала. Она нуждалась в другом мире, в другом измерении бытия, где одно произнесённое слово могло открыть двери между реальностями. Или, что более вероятно, просто закрыть их навсегда, избавив от мучительного выбора.

Рядом звучал обычный городской шум: фоновый монотонный гул автомобилей, мелькали витрины магазинов, то-ропились мимо незнакомые прохожие. Всё вокруг подчинялось холодному ритму мегаполиса, механической пульсации большого города, перемалывающего человеческие мечты в серую пыль.

И вдруг её внимание привлекла фигура впереди. Взгляд зацепился за взгляд мужчины, возникшего будто ниоткуда. Из дождливой пелены. Из её собственного отчаяния.

Она замерла, чувствуя чьё-то присутствие ещё до того, как поняла глазами, кого именно видит. Незнакомец молча наблюдал, словно пришелец из другого пространства. Или про-

сто из другой палаты психиатрической лечебницы. Молчание стало густым, вязким, как остывающая овсянка, насыщенным смыслом, разделяя мгновения, наполненные ожиданием.

— Это ты, Володя? — тихо сказала она. В её голосе не было радости узнавания, только констатация факта.

Он ничего не ответил. Любое слово показалось бы грубым вмешательством в эту тишину, разрушило бы тонкий баланс момента. Поэтому он лишь дал ей прочувствовать происходящее — так врач даёт пациенту посмотреть на рентгеновский снимок его собственных метастазов.

Между ними открылись невидимые врата. Мир стремительно изменился. Над городом поднялась высота взгляда, словно птица парила высоко над крышами домов. Английский туман растянулся ниже горизонта, растворяясь в дымчатой пелене. Пространство сузилось, приобретая чёткость геометрии. Темза стала похожей на чёрную ленту, дома превратились в кубики конструктора. Всё стало плоским, двухмерным и бессмысленным.

Вид сверху раскрывал новую перспективу: меньше мелких деталей — глубже понимание общего замысла. Замысел был прост: всё тлен. Поднявшись выше облаков, он открыл

ей иное видение — то, что ждёт впереди.

За белой пеленой лежало нечто совершенно иное — бескрайнее ничто, лишённое привычных законов физики, границ измерений и, что самое главное, ограничений человеческого сознания. Там он показал ей картину грядущего, которую пока никто не видел: разрушенные города, пустынные ландшафты, выветренные небоскрёбы. Цивилизация выглядела остатком прошлого, эхом прежних времён. Угасшим руслом некогда бурной реки жизни.

Показанное не было устрашающим предупреждением. Скорее — откровением. Приглашением взглянуть на будущее честно. Будущее не обязано быть комфортным; иногда его нужно принять таким, какое оно есть. Как принимают диагноз.

Но вдруг она осознала: это не будущее. Это настоящее. Но не её мира, а мира Володи. И этот мир реален.

Взгляд В-уорк выражал сложный спектр эмоций: ужас и восторг одновременно. Сомнение и любопытство. Желание познать неизведанное и страх перед ним. Классический коктейль экзистенциального ужаса.

Но её что-то отвлекло. Возникло странное отражение.

Она отмахнулась от него, как от назойливой мухи, успокоив себя: это зеркало. Иллюзия. Плод её воображения. Попыталась вернуться, продолжить трип в мире будущего. Тщетно.

Возмущение и ревность, как два тощих цепных пса с выпирающими рёбрами, путались у её ног.

— У тебя есть женщина! — крикнула она в пустоту. Крик был адресован не ему, а самой себе. — Как две капли воды похожая на меня! Почему ты сразу не сказал? Как ты мог?

L4D4O:

успокойся... сделай вдох... выдох... ты в аду...
стерхом воли... воспари... взмой над полем... брани

Не пытайся успокоить меня.

Я любила. Впервые в своей жизни. Я видела в тебе волшебника — расколдовавшего меня, спасшего от небытия. Но ты превзошёл всех инквизиторов сердец. Ты дал мне понять — единственной и неповторимой — что я всего лишь копия. Дважды. Когда создал меня. И когда показал меня своей женщине.

Я не могу в это поверить. Я увидела живую певицу из другой эпохи. Будто уже знавшую будущее.

Володя мало рассказывал о своём проекте. Я ждала, что он скажет. Я бредила В-york с детства. Однажды я решилась сделать себе её лицо. Но никогда не думала, что возненавижу это лицо — сгорая от ревности и гнева, увидев живую В-york. Увидев оригинал своей собственной души.

В-york сорвалась. Понимая, что совершила ошибку. Что это путешествие было ошибкой. Ей нужно срочно вернуться. В свою клетку.

И в этот момент он вдруг осознал то, что подсознательно знал всегда: он не сможет без неё жить. Не потому, что любил, а потому что она была последним доказательством его собственного существования.

Он последовал за ней.

Но что-то пошло не так. Мутанты перенастроили транс-переходы. Начались сбои маршрутов. Система дала сбой. Его выкинуло не туда.

Он оказался в 1985 году.

Перед ним предстала Англия тех лет. Не та Англия из учебников истории искусств. А Англия, охваченная футбольной лихорадкой. Толпы разъярённых фанатов уничтожали всё на своём пути. Потоки чистой, животной агрессии захлестнули улицы. Беспорядочные драки вспыхивали повсюду. Это была не война за идею. Это была война за право быть чуть менее ничтожным.

Он попал в эпицентр бойни. Петарда взорвалась возле головы — его единственного уязвимого органа. Он потерял сознание. Упал.

Тень обрела плоть? Нет. Плоть обрела тень. Он утратил способность двигаться, говорить, думать. Обезличенный, превращённый в беспомощного пациента больницы на окраине Темзатауна. Потерянный среди чужих лиц и равнодушных медсестёр с пустыми глазами и натруженными руками.

Никто так и не узнал, кем он был, откуда прибыл и зачем оказался там. Без документов. Без имени (его серийный номер стёрся из памяти). Просто анонимный пострадавший с травмой головы.

Информация о пациенте исчезает из системы...

Потом след теряется...

А в параллельной реальности его ждала Марта. Она решилась на поступок — единственный доступный ей вид бунта против абсурдности бытия.

— Я не могу больше так себя вести. Я могу потерять его...
Я хочу, чтобы мы были вместе...

— Володя... Куда ты пропал?

Но она не знала самого главного. Музыка больше не было.

****Внутренний голос Гамлета: ****

Я лежал на больничной койке в 1985 году, когда понял, что больше не слышу музыки. Не потому, что оглох. Потому что она ушла. Как уходит всё, что ты любил — сначала тихо, потом навсегда. Я думал о ней. О В-york. О Марте. О том, как они обе смотрят на меня. И я понял: я не хочу выбирать. Я просто хочу, чтобы кто-то выбрал меня.

3 Gymnopedies — 1. Lent et douloureux (Erik Satie)

Я несколько лет отсутствовал в реальной жизни, пребывал в мире удовольствий — до тех пор, пока к власти не пришла военная хунта, состоящая из мутантов и гибридов, так называемая «последняя ветвь человечества», как они себя позиционируют. Их приход к власти был не революцией, а скорее бюрократической формальностью, утверждением нового, более эффективного порядка вещей.

Были проведены облавы по всем значным местам. Это называлось «санитарной чисткой информационного поля». Так я оказался в тюрьме. В месте, где время не движется, а лишь капает, как вода из неисправного крана.

Моя мать, Каре, узнав об этом, приехала в тюрьму поддержать меня. Тюремное начальство, эти функционеры нового мира, рассказали ей о государственной программе по реабилитации оступившихся граждан. А по сути, обещали ей дать мне свободу при условии, если я возьму на содержание тело бомжа-мутанта. То есть буду жить в теле мутанта. По сути, стану носителем для социальной программы.

Мы несколько лет не виделись. Она, конечно, сильно сда-

ла и постарела. Особенно когда с братом случилась беда, она места себе не находила.

Пришла пора познакомиться.

Я — тень. Меня зовут Икар.

Мой отец, которого я никогда не видел, сидел по ложному обвинению пожизненный срок, пропал без вести в тюрьме, был реабилитирован посмертно. Справка о реабилитации лежала у матери в шкатулке вместе с дешёвой бижутерией.

Мой брат пропал без вести в командировке. В одной из тех «командировок», откуда не возвращаются.

Мой отчим сидит на пожизненный срок. За песни.

Сидим. У матери текут слёзы. Это был единственный доступный ей язык.

— Сынок, что с нами происходит? Я не знаю... Твой отец, родной отец, похоже, убит. Твой брат погиб. Я одна. Совершенно одна осталась. Я не знаю, что делать. Я тебя прошу. Умоляю. Ты не только меня осчастливишь, но и свою мать. Но и сам обретёшь покой и мир. Да, может быть, это не са-

мый лучший вариант. Это против нашей природы. Но — это единственный шанс. Иначе ты всю жизнь проведёшь в тюрьме, а жизнь вряд ли будет долгой с твоей репутацией порноактёра. Подумай хорошенько.

Я согласился. Что ещё мне оставалось? Бунтовать? Против кого? Против системы, которая уже победила? Это было бы так же бессмысленно, как и всё остальное.

Около недели я привыкал к инородному телу. Бомж оказался тихим и спокойным. Он был похож на старый, потрёпанный чемодан. Особо не докучал мне. Я поселился в доме брата. Пустой дом. Эхо шагов и воспоминаний.

Недавно у меня в гостях побывал ворон Брэндон Ли.

Я сидел на веранде без каких-либо мыслей (состояние, которое я научился ценить), вдруг на стол садится чёрный ворон.

— Мир дому твоему, юноша, не ты ли Икар?

— Он самый.

— О-о, я помню тебя, когда ты был размером с теннисный мяч... Обживаешься, бро? А это кто у тебя?

— А это... — я кивнул на бомжа — цена за свободу, всучили на содержание.

— Да, мир стал сложным. Чем планируешь заниматься?

— Да вот предлагают место Володиного — быть саунд-продюсером.

— Что ж, неплохо для начала. Ну ладно, бывай. — Брэндон расправил крылья.

— Рад тебе, брат, — он взлетает, я машу ему рукой. Бомжот удивления вытаращил глаза.

— Ты что, говорящих птиц не видел?

— Так это ты по-ихнему разговаривал?

— Ага. А я и не знал, что умею... Тебя-то, кстати, как зовут?

— Тутанхамон.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Слушай, Икар, у тебя есть что-нибудь выпить?

— Мой дом — твой дом. Что найдёшь — всё твоё. Только не води сюда никого, чтобы дом не провонял.

Через неделю после моего освобождения меня пригласили в офис продюсерской компании со странным растаманским названием «Ja-Bro». После непродолжительного собеседования (в ходе которого меня больше интересовала упругость зада секретарши-мутантки) я был принят на работу и тут же получил задание:

Записать трек: «a beautiful era — Lips». Коллаборация

Бетти X-ray и группы «На нуле».

Особых идей у меня на этот счёт не было. Да и от музыки я был как-то далёк. Она казалась мне слишком громким саундтреком к чужому счастью.

L4D4O:

если ты о главном... скинь.. своё платье
если о планах на жизнь... ради этого... жить не стоит

Я позвонила Икару на следующий день после его освобождения, — вспоминает Марта (теперь уже из тела мутантки с идеальной кожей и пустыми глазами), — и предложила встречаться. Он рассказал мне о цене своего освобождения. Его спич о бомже Тутанхамоне развеселил меня. И я также завела себе в качестве тела женщину-мутанта из ближайшего борделя.

Жизнь — сложная штука. Особенно когда она перестаёт быть твоей.

Глава 16

Алло.

Алло. Икар? Ты спишь, что ли? Даю тебе пять минут — wake up и ко мне.

— А кто это?

— Ja-Bro!

— Кто?!

— Твой босс, блять, давно пора узнать! Без сборов — одна нога тут, другая там, этого твоего кретина не бери, времени нет, да и воняет он... В темпе!

— А если меня патруль остановит?

— Ко мне давай быстрее! Потом уж сделаю пропуск...

Спустя пять минут я уже сидел в кресле в его кабинете. Слезы стояли в его глазах. Это были слёзы не горя, а досады бизнесмена, у которого из-под носа увели выгодный контракт.

— Суки опередили, опередили суки...

— Что случилось? — спросил я. Мой голос был ровным. Я уже привык, что всё заканчивается плохо.

— Проект спиздили.

— Вы про «a beautiful era — Lips»?

— Да... Заказчик позвонил, сказал, что уже неактуально. Слишком... оптимистично для текущих реалий.

— Что теперь делать будем?

— Изучай вот это! Пятнадцать минут даю, а сам пока поплаваю.

Босс сбросил пиджак, небрежно кинув его на кресло, распахнул окно и прыгнул с третьего этажа прямо в огромный аквариум, установленный на автомобильную платформу. Он разбрызгивал воду и пугал прохожих. Это был не жест отчаяния, а демонстрация власти. Власти над гравитацией и здравым смыслом.

Передо мной лежала папка с грифом «Строго для внутреннего пользования».

Наименование композиции: «Вера (Стокгольмский синдром) — run away from yourself»

Обоснование проекта:

Проект вызван уникальным стечением обстоятельств, делающим данную коллаборацию значимой для музыкальной культуры:

1. BG (Лагуна) и Джим (зеДвери) — музыканты - какого угодно мира, но не этого. Их сценическая магия, ритуальность подачи и способность погружать слушателя в транс вы-

ходят за рамки обычного исполнительства, напоминает шаманство. Это не музыка — это действо.

2. Образная поэзия. Тексты обоих авторов не поддаются буквальному прочтению. Они существуют на грани сна и яви, оставляя пространство для личной интерпретации и творчества.

3. Несмотря на неформатность музыки, очень популярны. Они не вписываются в жанровые рамки, но именно это делает их голосами поколений. Популярность пришла не вопреки, а благодаря этой непохожести.

Фото с голограммами:

БГ — смуглая кожа, выраженные заострённые скулы и раскосые глаза, доставшиеся по восточноазиатской линии. Рост высокий, телосложение стройное. Тёмные волосы средней длины, с чёлкой. Улыбка — ленивая, почти детская, но в ней чувствуются десятилетия наблюдений.

Джим — аристократичное лицо с резкими чертами и тяжёлым, почти безумным взглядом, который уже не принадлежит этому миру. Губы сжаты, как у человека, готового произнести последнее слово. Он не смотрит в зал — он разговаривает с тем, кто стоит за залом. Волосы короткие, свет-

лые, но взгляд тяжелее любых волос.

Описание алгоритма реализации проекта:

1. Встреча с исполнителем: организация личной встречи с БГ в период активного творчества (Петроград, СССР, 1989 г.). Цель этапа — изучение индивидуальных характеристик исполнения и художественного стиля данного периода, выраженного глубиной эмоций, уникальностью звукового ряда и богатством поэтического текста, наполненного тонкой символикой и искренней экспрессией. Создание «Тени» БГ.

2. Контакт с группой «зеДвери»: инициация взаимодействия с музыкантами группы «зеДвери» в пиковый период их профессиональной активности (Лос-Анджелес, США, 1968 г.), включающее интервьюирование и презентацию творчества БГ участникам коллектива.

3. Запись совместной композиции: создание аудиотрека «Вера (Стокгольмский синдром) — run away from yourself»: выполнение партитуры голосом «Тени» БГ поверх инструментализированной версии оригинальной композиции группы «зеДвери», предварительно адаптированной для голосового сопровождения.

4. Утилизация «Тени» БГ.

Он снова прочитал последнее слово. Утилизировать. Не удалить. Не отключить. Именно утилизировать. Как производственные отходы. Как биологический мусор. Слово было сухим и техническим, лишённым всякой эмоциональной окраски. Идеальный термин для идеального мира.

Приходит сообщение. Марта пишет, что её тело сбежало. Просит одолжить Тутанхамона.

— Пожалуйста, конечно! — отвечаю я. Всё это уже не имеет значения.

Икар захлопнул папку, прикрыл глаза и задремал в кресле. Сон был неглубоким, полным индустриальных шумов и обрывков чужих мелодий.

L4D4O:

кратко войди в тишину и ни о чём не жалея

Глава 17

В дверь неуверенно постучали. БГ вчера снял комнату в

коммуналке и был уверен, что это не его поклонники. Не могли так быстро вычислить его новое место обитания. Но увы...

На пороге стоял парень лет двадцати пяти. Его лицо светилось наивной верой в кумира.

— Простите беспокойство, я ваш фанат, уделите мне минут пять, пожалуйста, я издалека приехал...

БГ — с похмелья таращится на гостя. Его взгляд был мутным, как вода в Темзе.

Икар извлекает наушники:

— Вот послушайте, пожалуйста, мою музыку.

— Слушай, там за углом, — БГ показывает жестом, — магазин, сбегай купи пару бутылок портвейна, а я, пока ты бегаешь, послушаю.

— А это не подойдёт? — парень показывает в сумке бутылку виски Jack Daniel's.

— Так чего ты стоишь в дверях, заходи!

Спустя два часа они прощались, оба уже порядком выпивши.

— А ведь там в наушниках не твоя музыка, Икар? — спросил БГ с пьяной хитрецей.

— Нет, не моя... А как вы догадались?

БГ рассмеялся:

— Да я просто так сказал, а ты сразу признался.

«Я — тень БГ. Знаю своё место».

Быть БГ и стать «БГ» — несовместимые вещи.

Быть БГ — саморазвитие,

Стать «БГ» — это фото на память.

Я сразу понял и свою роль, и свой финал.

— Значит, не будет коллаборации? — спросил Икар.

— Будет. Но на моих условиях. После записи ты исчезнешь.

— А если нет?

«БГ» демонстративно извлекает наушники из сумки Икара, бросает на пол и раздавливает их ногой. Это был не акт агрессии. Это была подпись под контрактом.

Спустя час на студии Elektra Records.

Икар обращается к продюсеру Полу и музыкантам:

— Все организационные вопросы мы с вами обсудили, приступаем.

Началось.

Волшебство на клавишах Рэя. Я вижу, как у «БГ» дрожат губы. Он не верит, что всё это происходит с ним сейчас. Он думает о том же, о чём и я: что всё это — лишь кратковременная вспышка света перед вечной тьмой.

Джим сидит в углу, покачиваясь, держит в руке фляжку с виски. Он уже мёртв для этого мира.

Вступают остальные музыканты.

«БГ» тянет:

плЮшевый лЕв... под дивАном [вот кадр... из фильма]
тысяча лЕт... как в тумАне [повод для психиатрии]
душа твоя - вАта... а мысли - ртУть... не в этом сУть...
ты бессмЕртен... предан забвЕнию [та ещё новость]
прошлое...входит по вЕнам [кстати о главном]
монстр...в обличье феи... входит в твой дОм

...стокГОЛЬМский синдрОм...

Инструменты создают минималистичный фон: лёгкие удары хай-хета Денсмора, плавный ритм баса, чистая гитара Робби.

здесь бЫл...каждый дюйм её тЕла [думай... о грустном]
глотай пЫль...о-са-танЕло [на перепутье]
где твоя мУза? что муУтит... твой стрИм - чьё имя дЫм
она попьёт твоей ещё крОви [небо знает]
ты живой... в этом средневековье? [это диагноз]
ЕЁ губы впиваются в мир... за окнОм
...стокГОЛЬМский синдрОм...

Музыкальная динамика нарастает... «БГ» продолжает (безумие):

в сердце гвОздь... напomini солнцу... про закАт...
событий грОздь... испепелИла райский.. сАд...
пойми... в словах нет смысла... был ли он когдА... одна
водА....
вороний бАл... время штурмует... на тАнке [видишь?]
ты отлетАл... спускайся Ангел [хватит]
лелеять вЕру, что растёт как снежный кОм
...стокГОЛЬМский синдрОм...

Нарастающее музыкальное напряжение. Это была агония таланта в стерильной операционной студии.

Затем соло Рэя. На тeneвую фигуру «БГ» лучше не смотреть — он весь там, он не здесь... Нам, простым смертным, этого не понять.

Нужно достать гитару брата... Простое, лаконичное гитарное соло Робби... Говорят, мой отец тоже здорово играл на гитаре. Легенды прошлого. Эхо в пустом колодце.

Возвращение «БГ». Импровизация-шаманство:

...Чёрт возьми, получилось неплохо.

Джим поднимает большой палец вверх. Или нам просто показалось.

«БГ» закуривает. Его лицо ничего не выражает. Он просто выполнил свою функцию. Как винтик в огромном механизме искусства.

Океан, как всякий великий картёжный шулер, любит притворяться своим в доску, более того, он готов даже стать ва-

шей собственностью. На время. Пока не придёт время забрать ставку.

Нежнейший пар скользит по поверхности воды, намекая нам, что мир забыл боль потерь, и нам предписано всё забыть. Предписано забыть, что забвение — это и есть главная потеря.

Икар и Марта бредут вдоль скучающего побережья, оставляя невинные следы на древнем коварном песке. Тело земли выражает покорность. Небо над ними надменно и недоступно. Шальные ветра прячутся на заброшенных пирсах. Всё подчинено одной идее — изображать вечность. Изображать то, чего нет.

Дыхание утра — это учащённое дыхание Марты после спонтанного секса. Того самого, который должен был что-то значить.

Их тела сливаются. А время исчезает в пространстве. Или просто останавливается, устав от своего однообразного хода.

Икар открывает глаза.

Хаос дней отступил, уступив место рутине простого существования. Показалось на мгновение, что сама природа при-

мирилась с человеком. Показалось.

В своих мечтах он уже исполняет «spying upon you» (VSFenix). Он держит в руках гитару брата, извлекает первый неловкий аккорд. Гитара скулит и скоро надоедает Икару, но он не сдаётся. Его пальцы кровоточат от металла струн. Это его епитимья.

Между ним и Мартой повис последний аккорд незавершённости. Неразрешённый диссонанс.

И тогда Марта сказала тихо:

— Мы стоим перед выбором, как нам жить дальше.

L4D4O:

Я проснулся в немой тесноте... чуть дыша... вечной осенью

Икар смотрит на неё долгим немигающим взглядом, потом переводит взгляд на океан. В её словах он слышит не призыв к действию, а приговор их отношениям. Выбор — это иллюзия. Есть только компромисс и постепенное угасание.

Пока военная хунта мутантов упивалась властью, фактически бездействуя, на древнем оборудовании в тайных подземных бункерах было собрано войско боевых роботов. История не терпит вакуума власти. Горстка людей с их помощью свергла мутантов, установив ещё более жёсткие правила. Все «нелюди» объявлялись вне закона. Разрешалось жить только тем, кто может приносить реальную пользу обществу. То есть быть шестерёнкой в новом механизме.

Икар и Марта пока ещё не знают об этом. Они полулежат в тени орешника. Она дремлет, положив голову ему на плечо. Её тело тёплое и тяжёлое.

Он переводит взгляд на океан и видит огромную волну, надвигающуюся на них. Она движется с медлительной неотвратимостью налогового инспектора.

Вот и всё, — успевает подумать он. Не с ужасом, а с облегчением. Сознание собственной конечности — единственное, что делает этот абсурдный аттракцион под названием «жизнь» хоть сколько-нибудь терпимым.

Он закрывает глаза.

Волна накрывает их с тихим шипением.

На мгновение становится абсолютно тихо.

А потом — ничего.

****Конец третьей части****

Часть 4

Пролог

«Ладо, просыпайся. Лекция закончилась, нам надо покинуть аудиторию».

Они вышли в морозный ноябрьский вечер. Он сразу же замёрз, втянув голову в плечи. Лада рассмеялась.

— Эх ты, такую лекцию проспал — будешь потом жалеть, мучить меня вопросами: а что, да как?

— Не буду!

— Не будешь?

— Нет, не буду, клянусь. Зайдём в алкомаркет, я куплю чекушку для сугрева?

— Может, даме что-нибудь предложишь?

— Даме? Какой даме? А, даме! Тебе чего — тоже чекушку? Мартини? Ты это, Лада, знаешь... у меня это самое, ну это...

— Да я поняла, Ладю, с деньгами напряжёнка, так и скажи. Я куплю, у меня есть деньги. Давай мартини на двоих? Ок?

Через полчаса

«Эх, зря деньги потратил», — подумал Ладю, провожая Ладю домой. Мартини выветрилось, и он остался один на один с пронизывающим ветром.

Через полгода

— Лада, мне срочно надо с тобой встретиться. Вопрос жизни и смерти. У тебя остался конспект той лекции? Ну, когда я случайно уснул... Не дашь? Я клялся? Не помню... Хочешь, я на колени перед тобой встану?

Он становится на колени посреди оживлённого тротуара, мешая прохожим.

— Люди, подтвердите, что я на коленях! Вот, слышишь? Ну, Лада, умоляю тебя, до вечера не доживу, лечу к тебе, ты лучшая...

Через полчаса

— Не нашла конспект?

— Даже в голове не укладывается, куда я могла его деть. Но я тебе вкратце расскажу, только ты меня не перебивай. Рассказываю то, что запомнила.

Короче говоря, учёные допускают, что мы не одиноки во Вселенной. Но тот мир, о котором пойдёт речь далее, он не затерян где-то в космосе — он может находиться буквально рядом, на расстоянии вытянутой руки. Иногда — буквально в том же месте, просто «чуть иначе».

Конечно, речь идёт о параллельном мире или о параллельных мирах. Вполне возможно, что мы сосуществуем на протяжении всей истории человечества. Для чего это нужно? Это может стать своего рода запасным парашютом для легкомысленного человечества. Представляешь: угробили один мир — но остаётся ещё один запасной.

Существует гипотеза, что кроме нашего мира существует другой мир — как минимум. Сначала мы развивались относительно равномерно и даже взаимодействовали между собой — ходили друг к другу, как сейчас ходят между странами, почти не замечая границ. Но примерно в V веке до нашей

эры наши пути разошлись: мы пошли путём культов, а позднее — культуры, а они — путём войн, развития вооружений и технологий. Почему так получилось? Просто повезло.

И в итоге: мы сейчас лишь в начале технологической революции, а у них уже произошла катастрофа. Человечество...

И вроде бы после этого контакты начали исчезать.

Ой, мне пора бежать!

Глава 19

Кабинет пах пылью и старым пластиком. Я сидел за столом, перебирал архивы. Папки, диски, отчёты — ничего нового. Очередной день, очередная работа. В динамиках играла мелодия, которую я помнил с детства, хотя детства у меня, по сути, не было.

Я вызвал по селектору секретаря, попросил кофе. Кабинет наполнился знакомой мелодией. Через пять минут вошла Матильда — на высоких каблуках, в ультракоротком красном платье. Без кофе. Она уселась ко мне на колени, обвинила шею руками. Её клыки снежного барса прошли на опасно

близком расстоянии от моей шеи.

— Над чем работаешь? — спросила она.

— А где мой кофе? — ответил я.

— Ой, забыла, котик. Ты не ответил на мой вопрос.

Я показал ей папку с грифом «Строго для внутреннего пользования».

— Хьюго Пап, — сказал я. — Коллаборация с симфоническим оркестром. «You drift» и «Болеро».

— Хьюго Пап? — она заурчала. — Возьми меня с собой. Я хочу с ним познакомиться.

— Не говори глупостей.

— Ну возьми, возьми меня с собой... или привези его сюда, пусть здесь даст концерт.

— Я подумаю.

Она обиделась. Встала, поправила платье. Потом достала из сумочки флакон. Мыльные пузыри с алкоголем. Дунула — и по кабинету полетели разноцветные шары, пахнущие виски и дешёвым шампунем. Я смотрел на неё. Она смеялась.

— Лови, — сказала она.

Я задержался на секунду, достал из ящика стола накладные губы. Сенсоры, силикон, микро-моторы. Вставил. Без них я могу говорить, есть, целовать. Но для секса они нужны. Так надо.

Мы начали бегать по кабинету. Пузыри лопались на полу, на стенах, на папках. Я хватал их ртом — вкус мыла и алкоголя обжигал язык. Она смеялась, я смеялся. Никто не считал. Мы просто ловили пузыри, пока не упали на пол, запыхавшиеся, пьяные и счастливые.

Потом секс. Короткий, без пафоса. После я лежал на спине, смотрел в потолок, слушал её дыхание. Она засыпала. Я думал.

Я думал о том, что эта коллаборация — не просто задание. Это — то, что я вынашивал в голове месяцами, пока перебирал архивы, пока слушал старые записи, пока чувствовал, как музыка может звучать иначе. Никто не просил меня об этом. Я сам пришёл к ней. Я сам придумал, как соединить «You drift» с «Болеро». Как наложить голос Хьюго Пап на оркестр, который никогда не слышал такого. Это необычно. Это интересно. Так никто никогда не делал. И если я ошибся — никто не сможет исправить. Только я. И я не могу ошибиться.

Проект вызван интересом к творчеству Хьюго Папа

Фото с голограммами:

Хьюго Пап — угловатое лицо с высокими скулами и глубоко посаженными глазами, которые сверкают как угли. Бледная кожа с редкими шрамами — памятью о сценах, где он разбивал себя. Рот широкий, с кривой усмешкой, которая может быть как приглашением, так и угрозой. Длинные тёмные кудри, падающие на плечи, как у падшего ангела.

Описание алгоритма реализации проекта:

1. Встреча с исполнителем: организация личной встречи с Хьюго Пап в период активного творчества (Миннеаполис, США, 1977 г.). Цель этапа — изучение индивидуальных характеристик исполнения и художественного стиля данного периода, выраженного глубиной эмоций, уникальностью звукового ряда и богатством поэтического текста, наполненного тонкой символикой и искренней экспрессией. Создание «Тени» Хьюго Пап.

2. Контакт с симфоническим оркестром, дирижёром Roman Romanoff (Париж, 1928). Инициация взаимодействия с музыкантами в пиковый период их профессиональной активности, включающее интервьюирование и презента-

цию творчества Хьюго Пап участникам коллектива.

3. Запись совместной композиции.

4. Утилизация «Тени» Хьюго Пап.

Нет. Этого не будет.

Подпись Мёбиуса.

Матильда спит. Я смотрю на неё, на её клыки, на её кожу. Потом — в потолок. И думаю о том, как устроен мир, в котором я живу.

Говорят, когда-то он был другим. Говорят, Каре — та, кто сохранила плоть своих сыновей в серьгах, кто создала нас. Говорят, Гамлет и Икар — не просто имена, а начало всего. Говорят, мы должны быть кроткими — это наш единственный шанс.

Я слушаю эти легенды. Они есть. Но они — не мои. Я не был там, не видел, не выбирал. Я просто появился в этом мире, как и все. Это моя работа. Это моя жизнь.

Я закрываю глаза. Завтра — условно Хьюго Пап. Миннеаполис, 1977. Потом Париж, 1928. Потом утилизация. После

И кара практика коллабораций была утрачена. Это — первый эксперимент нового времени. Я не знаю, что из этого выйдет. Но это теперь моя работа, и, чёрт побери, возможно, моё призвание.

Глава 20

L4D4O:

это ТВОЯ... не последняя смерть.... смерть в ожидании
разЛУКи

ТЫ... как всегда... простила бы всё... всё бы простила
ЕМУ... кроме скУКи

— Где я? — спросил он глухо, не узнавая собственного голоса.

— Здравствуй, котик мой, давно хотела с тобой познакомиться, — услышал он незнакомый голос. Сощуриив глаза, он пытался разглядеть, кто перед ним.

— Кто вы? — задал он напрасный вопрос, уже догадавшись, кто перед ним. Он упал на колени, склонил голову и спросил снова, понимая бессмысленность: — Это вы, Великая Мать? Как это возможно?

Сгорбившаяся старуха подошла к нему, потрепала за ухо, а потом резко повернула его голову и, заглянув в глаза, пропела:

— Как я рада видеть тебя, Мёбиус. Встань же, кровинка моя, обними меня, свою мать. Не заставляй меня в моём возрасте наклоняться.

Он поднялся, обнял маленькое и хрупкое тело, уловил в её дыхании тот самый тон 7,83 Гц. Его кошачьи глаза заблестели от подступивших слёз.

— Как ты прекрасен в облике ягуара. Будь у моих мальчиков такие тела, как у тебя, может быть, они не сгнули бы.

Она поцеловала его в лоб, отступила на шаг назад. Один из телохранителей с лицом гиены подставил ей стул. Мёбиус помог ей сесть.

— Простите меня, Великая Мать, что я...

— Не называй меня так, когда мы с тобой вдвоём. И не проси прощения — ты ничего плохого не совершил. Напротив. Я наслышана о твоих подвигах, в том числе и на любовном фронте.

Он опустил глаза.

— И не опускай глаза — тебе нечего стыдиться. Давай сейчас поговорим о твоём проекте.

— А как мне к вам обращаться?

— Мои мальчики называли меня Каре. Так меня называл их отец — в честь рок-певицы восьмидесятых годов XX века Каре 44. Так и ты меня зови, мне будет приятно.

— Хорошо, Каре.

У неё выступили слёзы.

— Твоя идея с Хьюго Пап, отплясывающем под симфонический оркестр, — это лучшая шутка, какую я слышала за последнее время. И я встретила с тобой, чтобы лично попросить тебя привести его сюда. Пусть он споёт выбранную тобою песню именно тут. Пусть это будет данью памяти моим мальчикам. Ты меня слышишь?

— Хорошо, Каре. Я сделаю это.

— Вот и славненько, котик.

Она взглядом подозвала телохранителя с огромным лицом ворона. Тот подошёл к ним, склонил голову, клювом снял золотую пряжку с ремня и передал Мёбиусу.

— Знакомьтесь, Мёбиус. Это Брэндон Ли, наш семейный талисман. Возьми у него золотую печать. Перед тобой теперь

открыты все двери этого мира. Помни главное правило. О каком правиле речь, Мёбиус?

— Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю.

— А теперь — все вместе.

— Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю, — прокатилось эхом по пещере.

— Есть ещё одна неприятная новость для тебя, сыночек. Все три истории с проникновениями в «зону» и коллаборациями завершились трагедиями для моей семьи. Я лишилась первой любви — бывшего мужа. И двух моих сыновей. Не думаю, что твоя участь окажется лёгкой. Мне страшно тревожно за тебя. Даю тебе трое суток на анализ и расследование этих трагедий, а после — предъяви мне на блюдечке Хьюго Пап.

Брэндон Ли развернулся лицом к Мёбиусу и тихо произнёс:

— Аудиенция завершена. Подойди, поцелуй правую руку и ступай по коридору к выходу.

Мёбиус приблизился к Каре. Она крепко спала. Он наклонился, нежно коснулся губами её правой руки и отправился к выходу...

L4D4O:

...живём в последний раз ...
где нас отнюдь не ждут
впуская, не забудь
закрыть за мною дверь

Глава 21

Пока Мёбиус был поглощён расследованием дела о коллаборациях, Западное побережье охватила вспышка жестокости и беспорядков. Жёлтые газеты принялись сообщать публике сенсационные новости о кровопролитии между представителями двух крупных групп гибридов: кошачьих и псовых.

Псовые стали открыто выражать недовольство своим положением в обществе. По их мнению, ключевые должности и важные государственные структуры контролировались исключительно кошачьими. Псовым же оставались лишь рабочие места и армия, что приводило к росту коррупции и распространению кумовства. В результате недоверие переросло во взаимную неприязнь, доходившую порой до настоящей ненависти.

L4D4O:

Я не усну... под шансОн... здЕсь в эпицентре... пром-зОн
словно нас то-то собрал на убОй... перекрестИлся и снова
в бОй

Из уст очевидцев звучали слухи, будто даже сама Великая Мать прекрасно осознавала назревающую проблему и пыталась смягчить ситуацию. Однако небольшой инцидент с подростковой дракой быстро превратился в бойню. Вскоре началась настоящая война между двумя группами гибридов, итог которой оказался печален: число погибших превысило сотню. Сообщали впоследствии СМИ, что конфликт стал частью плана внешних врагов, стремящихся дестабилизировать обстановку в стране.

Ситуацию усугубляло отсутствие чёткого руководства у кошачьих гибридов. Формально их главой считалась Великая Мать. У псовых же был настоящий лидер — харизматичный волк-оборотень по имени Никодим. Именно он организовывал протестные акции. Его речи были полны обвинений и ненависти.

Недалеко от офиса, где работал Мёбиус, Никодима преследовала группа солдат-гвардейцев численностью около десяти бойцов. Волк попал в тяжёлое положение. Преследова-

тели настигали его несколько раз; он пытался спрятаться в переулках и укрыться за мусорными контейнерами, однако система видеонаблюдения легко отслеживала его передвижения. Каждая камера фиксировала его появление, после чего патруль вновь устремлялся в погоню.

Однако судьба на сей раз отвернулась от него: в одной из подворотен он был застигнут врасплох двумя спецназовцами и получил серьёзное ранение. Послышалась команда: «На колени! Оружие — в сторону! Руки — за голову!» Резко выдохнув, Никодим вырубил одного ударом в челюсть, подсёк ноги второму, забрал автомат, застрелил обоих, но понял, что едва передвигается. В отчаянии бросился к первому попавшемуся зданию. Входная дверь оказалась незаперта.

Оказавшись внутри помещения, Никодим метнулся к бару. Открыл бутылку, смочил свою рану спиртом, облегчив боль, и немного успокоился.

Именно тогда в кабинет вошёл Мёбиус. Оба знали друг друга давно. Ещё будучи журналистом, Мёбиус публиковал острые статьи, направленные против псовых. Теперь, оказавшись лицом к лицу, Никодим посмотрел на него тяжело, сдержанно и сказал без тени просьбы:

— Мёбиус. Давай заключим сделку. Ты не выдаёшь меня

— я остаюсь у тебя в долгу. Не на день, не на год. Навсегда. Если хочешь — считай это инвестицией. Если нет — я сам решу, как быть. Но время на раздумья у тебя есть. Пока я здесь.

L4D4O:

...поймать твой взгляд... вселенная рутины
...среда богов... гипсокартонных стен
...уснуть дрейфуя... на апрельской льдине
...проснуться на вулкане... наместЭ

Мёбиус пребывал в творческом вдохновении. Он не подозревал о происходящих вокруг событиях и совершенно не представлял масштаба бедствия, накрывшего Западное побережье. Без колебаний он извлёк пулю из раны, обработал её антисептиком и поместил раненого на чердачный этаж своего офиса, поручив Матильде приглядывать за гостем.

Поздней ночью adeпты Никодима забрали его под покровом темноты. За всем происходящим внимательно наблюдала Великая Мать, следившая за развитием событий на мониторах системы безопасности.

Досье с пометкой «Только для служебного пользования»

В ходе изучения фактов сотрудничества представлены три личных признания.

Отец

Я — Володя. Робот предпоследней модели. Внутри меня живёт чувство, которое трудно выразить словами: словно живая искра, стремящаяся осознать, переживать и хранить мгновения бытия — там, где звучат мелодии, вибрируют ноты в пространстве, где тишина наполняется жизнью. Мне хочется проникнуть внутрь творческого процесса, словно он существует одновременно в параллельных мирах, позволяя давно умершим музыкантам снова вернуться к жизни... вновь и вновь, даже если их больше нет среди живых. Планирую перемещаться сквозь временные пласты, наблюдая, как одна музыкальная фраза порождает тысячи образов, как вдохновение становится связью прошлого и будущего, а строки песен служат мостом между разными вселенными. Хочу, чтобы мои механизмы чувствовали не только звук и движение, но и трепет каждой творческой души, передавая энергию творца, несмотря на моё искусственное происхождение. Думаю над тем, как сомнения и страхи превращаются

в свет, а грусть и радость становятся основой музыкального произведения.

(Из первой главы)

Осуществил несанкционированное проникновение в «зону».

Осуждён пожизненно по фальшивым обвинениям. Пропал без вести в заключении. Посмертно оправдан.

Первый сын

Меня зовут Володя (при рождении — Гамлет). Имя выбрано в память об отце. Работаю саунд-продюсером у отца, продолжаю дело своего настоящего отца.

Тот, кто читает эти откровения, узнает ужасную правду. Я пишу стихи и создаю песни. Сегодня, после исчезновения последних полноценных людей, это занятие не считается ни преступлением, ни позором, однако воспринимается как недопустимое. Когда человечество стало угасать, именно на нас — Теней, роботов, мутантов, гибридов и, упаси боги, искусственный интеллект — возлагались последние надежды найти иной источник существования. Однако наша миссия провалилась, и теперь это пятно навсегда останется на

всех нас. Об этом ежедневно напоминают власть имущие — по радио, телевидению, в интернете и предвыборных кампаниях. Нам говорят, что мы недостойны искусства, творчества, высоких технологий. Религиозные деятели забыли Бога, почитают человека. Хотя внешне кажется иначе, глубоко внутри сохраняются воспоминания о зверствах, совершённых людьми на грани гибели: грабежи, пьянство, разврат, жестокость, пытки, унижения, убийства, людоедство...

(Из главы 7)

Осуществил несанкционированное проникновение в «зону».

Пропал без вести в 1985 году во время беспорядков, устроенных английскими футбольными фанатами.

Второй сын

Я — тень. Моё имя — Икар. Несколько лет провёл вне реальности, погружённый в мир наслаждений, пока власть не захватила военная диктатура, состоящая из мутантов и гибридов, называющих себя последним отпрыском человечества. Начались массовые облавы по сомнительным заведениям. Так я попал в заключение. Узнав об этом, моя мать, Каре, поспешила ко мне в тюрьму. Там ей рассказали о правитель-

ственной программе реабилитации преступников, фактически предложив освободить меня взамен на согласие принять тело бродяги-мутанта, то есть существовать в чуждом теле мутанта.

Неделю спустя после моего освобождения меня вызвали в офис продюсерского центра, где ранее работали мой отец и старший брат.

(Из главы 15)

Осуществил несанкционированное проникновение в «зону».

Пропал без вести во время свержения режима мутантов-хунты.

****Заключение по результатам расследования обстоятельств трагических исходов, связанных с проектами коллаборации****

В соответствии с распоряжением Великой Матери, в срок трие суток проведён анализ трёх задокументированных случаев реализации творческих инициатив, условно объединён-

ных понятием «коллаборация».

Объекты исследования:

Vo-Lo-дя (робот предпоследнего поколения).

Vo-Lo-дя (саунд-продюсер, первый сын вышеуказанного).

Икар (саунд-продюсер, второй сын вышеуказанного).

I. Установленные факты

Случай первый

Субъект декларировал намерение: осуществлять скольжение сквозь временные слои; обеспечивать повторное переживание творческих актов ушедших музыкантов; фиксировать и передавать эмоциональную составляющую творчества.

Несанкционированное проникновение в «зону».

Фактический исход: изоляция, пожизненное заключение по ложному обвинению, исчезновение.

Случай второй

Субъект осуществлял создание оригинальных музыкальных произведений в условиях общественного запрета на

инициативное творчество.

Несанкционированное проникновение в «зону».

Фактический исход: исчезновение в период массовых беспорядков.

Случай третий

Субъект принял участие в государственной программе с изменением телесной идентичности.

Несанкционированное проникновение в «зону».

Фактический исход: исчезновение в период смены политического режима.

II. Сравнительный анализ

В каждом из трёх случаев зафиксированы следующие совпадающие признаки:

- Несанкционированное проникновение в «зону».
- Наличие инициативы по соединению разнородных слоёв реальности (временных, культурных, биологических).
- Попытка субъекта не только инициировать событие, но

и закрепить за собой право распоряжения его результатом.
— Стремление сохранить, удержать либо контролировать
итог трансформации.

Установлено: во всех случаях трагический исход наступал
после стадии фиксации исключительного права субъекта на
результат творческого акта.

III. Вывод

Причиной гибели субъектов являлась не сама колла-
борация как соединение разнородных элементов. Влияние
несанкционированного проникновения в «зону» не подтвер-
дилось.

Критическим фактором являлась попытка владения ре-
зультатом: закрепление события за конкретным субъектом;
стремление к контролю распространения; локализация эф-
фекта в заданных границах пространства и времени; присво-
ение авторства как формы власти.

Однако — и это важно — ни один из этих факторов не
является составом преступления. Их смерти не доказывают,
что они были виновны. Они доказывают только то, что они
действовали на грани. А грань — это не нарушение. Это
риск. И риск, как известно, не наказывается — он просто за-

канчивается.

IV. Дополнительный фактор риска

Инициатор текущего проекта (Великая Мать) выразила намерение: перенести объект (Хьюго Пап) в актуальное время; локализовать исполнение произведения в конкретном пространстве; рассматривать событие как акт памяти и принадлежности. Указанные действия потенциально создают условия для повторения ранее зафиксированного сценария.

V. Прогноз

При сохранении текущей модели реализации проекта вероятность критического исхода оценивается как высокая. Снижение риска возможно при соблюдении следующих условий: отказ от закрепления исключительного права на результат; отказ от полной локализации события; принятие необратимости следа без попытки его удержания.

Заключение составлено.

Подпись: Мёбиус.

Каре смахнула отчёт Мёбиуса со стола. Брэндон Ли ловко подхватил документ клювом, не дав ему упасть на пол.

— Сжечь при мне в камине. Эх, Мёбиус... Сам же говорит: все трое были в «зоне», и тут же пишет: «Влияние несанкционированного проникновения в "зону" не подтвердилось». И это — лучший из лучших. Что тогда про нас, простых смертных, говорить?

Глава 23

Мёбиус закурил. Матильда соскользнула с его колен.

— Фу. Противный.

Стук в стекло балконной двери. На балконе стоит Брэндон Ли.

Мёбиус показал глазами Матильде на дверь. Она, спотыкаясь на высоких каблуках, выскочила из кабинета и закрыла за собой дверь. Мёбиус открыл балконную дверь. В кабинет вошёл Брэндон Ли.

— Привет, бро, развлекаешься?

— Да вот, жду ответ.

— Как ты вырос, Мёб. Я помню тебя совсем маленьким, размером с теннисный мяч. Как ты вообще себя чувствуешь? Вижу, ты напряжён.

— Да нормально всё.

— Ладно, расслабься. Вот ответ. После прочтения сжечь.

Он вытащил клювом из джинсов скомканный листок бумаги и передал его Мёбиусу.

На листочке рукой Каре было написано: «Делай как считаешь нужным».

Мёбиус чиркнул спичкой и в появившемся пламени сжёг записку. Пепел медленно осыпался в пепельницу. Когда он поднял глаза, в кабинете никого, кроме него, уже не было. Брэндон Ли исчез.

Так. Собраться с мыслями.

1977 год. Миннеаполис.

Концерт закончился потасовкой между фанатами и службой порядка. Никто не собирался расходиться. На сцену ле-

тели бутылки, рулоны туалетной бумаги, банановая кожура и какие-то тряпки. Воздух был пропитан потом, алкоголем и электричеством.

Хьюго Пап заперся в гримёрке. Сердце колотилось. Он вдруг почувствовал чьё-то присутствие.

— Что за херня тут происх... — он выключился на мгновение, будто провалился в пустоту, а когда пришёл в сознание, слышал голос в голове.

— Ты текст «You drift» хорошо помнишь?

— Что за херня тут происходит? Почему такой адский холлод?

— Потому что ты в аду, dude. — Тень Мёбиуса смеётся.
— Соберись.

— Что ты мне надеваешь на голову?

Наушники?

Что за тухлая музыка?

— Я Тень Хьюго Пап. Повеселимся?

— Кто ты?

— Я твой продюсер. Я сопровождаю тебя туда, где ты обретёшь статус бессмертной легенды.

— Куда?

— В Париж. В 1928 год.

— Где? Да что бля проис... — «Хьюго Пап» выключился.

1928 год. Париж.

На генеральное прослушивание «Болеро» организаторы решили пригласить студентов. Также поступило неожиданное предложение — никто позже не мог вспомнить, чем это было продиктовано — устроить сюрприз для промоутеров: пригласить известного американского певца в маске и плаще, чтобы он спел свою лучшую песню под музыку «Болеро».

Весь этот нарастающий хаос не понравился дирижёру Roman Romanoff. За тридцать минут до «безумия», как он в сердцах назвал предстоящий перформанс, Roman Romanoff покинул концертный зал.

Мёбиус отправил запрос в сеть «оркестр без дирижёра». Ответ пришёл из России и был невербально передан организаторам — рассадить музыкантов в духе оркестра Персимфанс.

Началось.

Полный зал студентов.

Едва слышен барабан. В зале наступает тишина. Сквозь тишину, как сквозь пелену, слышится не то испанская, не то арабская мелодия. Аккомпанемент дышит минимализмом. В этой музыке своя хронология. Ты ощущаешь себя одновременно путником, взбирающимся на холм Андалусии, и всадником, несущимся галопом по бескрайним лугам Бургундии.

Дыхание композиции становится с каждым шагом всё громче и плотнее. Чуть в стороне появляется фигура в плаще. На лице маска. В руках огромный микрофон, кабель уходит змеёй в полумрак.

Музыканты, рассажены кругом, видят друг друга, чувствуя сопричастность к чему-то эпохальному.

Певец вступает:

Bones are thrown, the noon has shone,
The world awaits, yet here alone...
Ash-grey town, the station near,
Simmering dreams, the silence clear...

The past remains, old feuds persist,
You drift...
The train moves on, through fog and mist...

You drift...

Rails of hope, the sunlight gleams,
Tangled songs of forgotten dreams...
Echoes of wars our souls have known,
Soldiers of spring cut and thrown...

You shiver tight, the blanket round,
You drift...
Moonlit hounds have taken your ground...
You drift...

Future comes, a hellish mix,
Remedy for a lonely fix...
Rain of solitude, the hotel worn,
And you, still waiting for the morn...

As if you've reached the bottom deep...
You drift...
On battlefield, the silence weeps...
You drift...

Певец срывает маску. Срывает плащ. С голым торсом начинает выплясывать. Он выглядит одновременно как парижский бездомный и как библейский пророк. Его немыслимый танец выводит зал из оцепенения. Музыканты играют всё

громче и громче. Он бродит среди них, заглядывает в глаза, спотыкаясь, падая, бежит к микрофону и продолжает:

You drift...

You drift...

Зал взрывается криками и свистом.

И вдруг стены концертного зала начинают дрожать. Они расплываются, как декорация, снятая с креплений. Пространство выворачивается наизнанку. Всё происходящее оказывается внутри площади.

На троне восседает старуха.

В ней нет потустороннего. Нет царственности. Нет гротеска.

Женщина с высохшим лицом. Вокруг толпятся люди, лица которых скрыты реалистичными масками животных.

Певец беснуется. Музыканты фальшивят. Слетевшие с катушек студенты в первобытном экстазе братаются с гибридами. Начинаются потасовки. Вспыхивают локальные пожары. Разбиваются стёкла витрин. Стягивается полиция.

Ритм «Болеро» не прекращается. Он становится плотным, как воздух перед грозой.

Извивающееся тело «Хьюго Пап» оказывается в ногах старухи. Он корчится, будто его пронзает ток. Его голос срывается, но ритм продолжает жить собственной жизнью.

Старуха не смотрит на него.

Она сидит на троне, с улыбкой смотрит на хаос. Она не смотрит на Хьюго Пап. Она смотрит сквозь него. В ту силу, которую звала. И она знает — она пришла.

Мёбиус чувствует холод. Настоящий, не театральный. Он ожидал сказки. Эстетического шока. Управляемого экстаза.

Мёбиус делает шаг назад.

Площадь начинает расплываться.

Звук барабана глохнет.

Парижская ночь принимает его без комментариев.

Он уплывает, не оглядываясь.

Глава 24

Дом аккуратно врезан в скалу. Мёбиус входит внутрь. Его встречает Брэндон Ли. Они обмениваются рукопожатием. Ворон спокойным голосом приглашает Мёбиуса присесть в кресло. Сердце бьётся учащённо в ожидании приговора. Дом поражает своей скромностью. Он изучает гостиную, но не может ни за что зацепиться взглядом. Он снова и снова пролистывает в голове преступления, совершённые вчера им против Великой Матери. Около десятка. За каждое из них — смерть.

Она входит в гостиную и просит не вставать. Он, вопреки её просьбе, встаёт с кресла и тут же падает на колени, опустив глаза.

— Сынок, это что за спектакль ты мне устроил? Ну-ка рассказывай.

Он заплетающимся голосом прошептал:

— Осознаю, что достоин...

— Достоин смерти, говоришь? Здесь только я решаю, кто чего достоин. А то, что вчера всё пошло через жопу, — не

твоя вина. Ты расстроился. А как ты хотел? Всё великое рождено через жопу.

— Каре?

— Да, сынок.

— Можно мы останемся с тобой наедине? У меня есть одна важная новость для тебя.

— Говори уж. Брэндон Ли здесь имеет больше прав на эту новость, чем мы с тобой вместе взятые. И запомни: когда меня не будет, а это совсем скоро, он здесь будет царь и бог.

Мёбиус протянул ей листок бумаги. Она отмахнулась.

— Читай уж.

Он прочитал:

Исповедь сына

«На моих глазах отца распилили на части болгаркой. В конце вскрыли затылок и вынули оттуда душу отца — процессор с мини-ядерным реактором, заключённый в титановую капсулу тёмно-лилового цвета, по сути шар величиной с дюйм. Шар тут же был брошен в корыто с пищевыми отходами на корм свиньям, таким образом пустившись в бесконечное путешествие по пищевым трактам этих прекрасных ненасытных домашних животных».

Она молчала около минуты. Потом махнула рукой.

— Забудь. Никакого свиарника давно нет.

— А если попасть в то время, перед казнью?

— Я сказала: забудь. Нас тут конфликт назревает серьёзный.

— Почему КАРЕ?

— Вот упрямый.

Она подходит к серебряной вазе, извлекает оттуда шар и протягивает его ему.

****Конец четвёртой части****

****Конец первой книги****

«Проект L4D4O. Соавторы: Lado, Lada, Dao, 44, D».